

ЕВА
КОФЕЙ

ПОСЛЕДНЯЯ НЕВЕСТА
ДРАКОНА
НЕ ДЕЛАЙ МНЕ БОЛЬНО



Ева Кофей

**Последняя невеста Дракона.
Не делай мне больно**

«Литнет»

2024

Кофей Е.

Последняя невеста Дракона. Не делай мне больно / Е. Кофей —
«Литнет», 2024

Я фрейлина принцессы при дворе того, кто уничтожил мою страну. Властный король желает меня, я его ненавижу. И мечтаю отомстить, сбежать и найти своего принца, который когда-то подарил обручальное колечко. Надежда найти любимого умирает, когда я попадаю в водоворот заговора и оказываюсь на месте драконьей невесты. Моей красоте завидовали, и теперь я заплачу за неё жизнью. Или... быть может в замке дракона, что хранит ворох тёмных тайн, смогу узнать что-нибудь о своём принце? Главное, чтобы сходящий по мне с ума король, не попытался вернуть. А ещё хорошо бы не забыть, что драконов полагается уничтожать, а не любить.♥Невинная и сильная героиня ♥Властный и таинственный герой ♥ Элементы сказки «Красавица и Чудовище»;

© Кофей Е., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

ЧАСТЬ первая. Королевство кишит чудовищами. ГЛАВА 1. Я надеюсь, что ты жив и ...	5
ГЛАВА 2. Беседа под луной	16
ГЛАВА 3. Город Мёртвых	29
ГЛАВА 4. В логове чудовища	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

ЧАСТЬ первая. Королевство кишит чудовищами.

ГЛАВА 1. Я надеюсь, что ты жив и ...

ЧАСТЬ первая. Королевство кишит чудовищами. ГЛАВА 1. Я надеюсь, что ты жив и помнишь обо мне...

Отныне ночь наступает рано. Спи, засыпай, не бойся. Смерть ткёт своё покрывало Из звёзд, из погибшего солнца.

Его Величество Луи-Филипп задерживает тяжёлую руку на моём хрупком плече, отделиваясь от дочери за ширмой фразой:

— Да-да, дорогая, конечно, милая, — точно тем же тоном он обыкновенно отшивает и свою супругу, королеву Флорию.

Я судорожно сглатываю. Внизу живота завязывается неприятный, холодный и пульсирующий ком страха. Король — острая и холодная глыба, упакованная во фрак с наклепленной сверху разнузданной улыбкой и переменчивыми светлыми глазами. Его поведение им под стать.

Он охотно играл со мной в игру «горячо — холодно», и она стремительно начинает ему надоедать. Я слишком затянула сладостный момент триумфа, как это некоторые здесь называют, перешла грань игривости и раздражения.

Есть что-то особенно порочное в том, чтобы добиться расположения невинной то ли фрейлины, то ли служанки, особенно если ты король, чьи войны когда-то сровняли с землёй её дом и сожгли дотла её страну.

Я сдерживаю горькую усмешку, как и любые претензии и эпитеты вроде «отвратительный», «мерзкий», «ничтожный», «опасный»...

Луи-Филипп прижимает меня к стене за горло — слегка, даже не надавливая, поглаживая большим пальцем. Он впивается в меня взглядом, под кожу словно вводят раскалённые иглы, но я по-прежнему никак не реагирую. Пусть смотрит. Он не сделает ничего здесь, когда его старшая дочь наряжается за ширмой напротив нас. И в любой момент может позвать меня натянуть повыше чулок.

Хотя, конечно, мог бы. Ему плевать на этикет, плевать на всех вокруг. Но если совсем не следовать правилам наше общение, по всей видимости, не будет так будоражить.

— Красавица, — выдыхает король так, будто бы искал к чему придраться и не смог.

Зная ревнивый характер своей жены и завистливый дочери, он официально приказал сохранять мою чужеземную красоту в первозданном виде. Ведь я — трофей. Только вот он сам не понимает, насколько в этом определении не ошибается.

И это хорошо, пусть его лучше будоражит моя внешность, чем принадлежность к древнему роду белых магов-целителей.

Я считаю, что Луи-Филипп ужасно неотёсан. Пусть все здесь и упиваются внутренним убранством дворца, лоском, позолотой, нарядами, но мне королевская семья видится варварами, людьми недалёкими и жестокими по природе своей. Они живут лишь низменными развлечениями. Какого толка — даже думать не хочется.

— Папочка, я не знаю, лучше сиреневое или персиковое? Какое принцу больше нравится? — звучит как всегда задорный голосок Элизабет.

Луи-Филипп закатывает глаза и отстраняется от меня.

Я незаметно выдыхаю и тут же получаю вопрос:

— Как думаешь? — он произносит это шёпотом и с полуулыбкой, мол она думает, мы у принца анкету брали с его предпочтениями.

Это часто бывает с королём, у меня вдоволь было возможностей выучить его наизусть, как когда-то учила молитвы на чужом, ненавистном мне языке. Этот мужчина, высокий и сильный, ужасно опасный, в конце концов, наместник бога на земле, может склониться близко и начать шептать что-то настолько доверительно и легко, что многие могут потерять сознание от такой чести. А он — и ничего, улыбается, взгляд игривый, будто бы и не король вовсе.

Так просто спрашивает маленькую фрейлину, что надевать принцессе на первую встречу с тем, кому обещана.

Я не выдерживаю, знаю что глупо, но...

— Чёрное, — всё же усмехаюсь.

Король тут же гаркает дочери:

— Персиковое!

— Да, папочка, я тоже так подумала... Варя, иди сюда, помоги кое с чем.

Варя. Я уже давно привыкла к этой вариации своего имени. Но помню, что из него будто бы вынули всё нутро и все смыслы, оставив что-то мило звучащее, как и должно быть у фрейлины принцессы. Варрияра — другое дело, но никто здесь не собирается ломать язык об него. Хотя у моего имени и есть правильное сокращение, как и положено, слово из трёх букв — Яра.

Так в последний раз меня звали почти год назад.

Почти год назад со мной говорили на родном языке. Сложно признаться, но я уже забываю его, и это страшнее взгляда короля, страшнее его рук и намерений.

Я собираюсь отойти к Элизабет, оставив Его Величество позади, но он хватает меня за локоть.

— Попробуй справиться сама, мы немного заняты, милая, — бросает он дочери, и моё сердце уходит в пятки.

Луи-Филипп окончательно потерял терпение.

Правда, раздевать меня прямо здесь он не спешит. Вместо этого усаживает на столик так легко, словно я ничего не вешу. Роняет вазу — летят осколки, выливается вода, белые розы погребены под остатками роскоши. Фарфор хрустит под подошвами его сапог, словно хворост. Я наблюдаю за всем этим так, будто происходящее меня не касается. Сердце трепыхается в клетке рёбер, но королю необязательно об этом знать. Он берёт с соседнего столика зелёное яблоко и ножичек. Аккуратный такой, с королевскими вензелями, чертовски острый. Медленно счищает кожуру и, наконец, выдыхает:

— Долго ты планируешь злиться на меня?

Я замираю, не понимая вопроса и опасаясь, что неправильно его услышала за стуком собственного сердца.

У него тусклые светлые волосы, не достающие до плеч, щетина, за которой просвечивают шрамы, внимательный, испытующий взгляд.

— О чём вы говорите, Ваше Величество? — произношу я едва ли не по слогам.

У меня длинные густые локоны цвета льна, я обрезаю их сама так, чтобы они не доставали до пола, когда стою. Сейчас на местный манер волосы заплетены в полотно из кос, король вытягивает одну из гладких, шёлковых прядей и наматывает на свою ладонь.

— Ты живёшь в моём замке несколько лет, сколько точно, пять? И всё ещё не можешь с этим смириться? — он усмехается остро, вырезает из мякоти яблока кусок и ест с ножа.

Я бы сказала, что это не к добру, но промолчу. Собственно, с его вопросами поступаю точно так же.

Он подносит ладонь, обмотанную моими волосами к лицу, вдыхает запах и едва ли не закатывает глаза с тихим, бархатным стоном.

— Папочка, всё в порядке? — пищит Элизабет. — Я уже выбираю диадему, скоро тебе покажусь. Очень хочу, чтобы ты одобрил, это такой важный день для меня!

Луи-Филипп не обращает на неё никакого внимания, он с осторожностью разматывает льняную прядь и освободившуюся ладонь устраивает на моей коленке.

Я до сих пор не могу поверить, что он ведёт со мной такие разговоры. Для чего? До этого, клянусь, я была уверена, что он воспринимает мою холодность за обычную женскую игру и попытку таким образом привлечь к себе его королевское внимание. А тут, оказывается, он понимает, что я ненавижу его и своё положение здесь. Что считаю его захватчиком и даже...

— Я бы ещё понял, — продолжает Филипп, хотя он в первую очередь Луи, я даже мысленно не собираюсь звать его, используя только три буквы — ведь это говорило бы о моей расположенности. — Понял бы, если бы ты была принцессой. Но ты, — его рука медленно, с упоением, ползёт выше, — деревенская девка. Красивая.

Он склоняется надо мной и горячо продолжает шептать на ухо:

— Я не видел никого краше. Самая нежная кожа, волосы, что шёлк, полные розовые губы, маленький ротик, большие, фиалковые глаза. Именно поэтому ты носишь дорогую одежду и играешь с принцессой в салки, а не драишь здесь полы, моя дорогая.

От этого его обращения становится тошно, но дёргаться нельзя — вместе с исходящим от него жаром я чувствую холодок лезвия, приставленного к горлу. Кончик ножа ведёт с убийственной точностью поперёк, оставляя за собой тонкий красный след.

— Я хочу обладать тобой, хочу, чтобы ты была моей. И даже твой характер со временем стал привлекать. Хотя мне всё ещё хотелось бы, чтобы ты была благодарной. А что не пресмыкаешься — хорошо, — звучит одобрительно, будто бы это он захотел — и поэтому я стараюсь изо всех сил быть строптивой и холодной одновременно. — Я сделаю тебя своей фавориткой. И это лучшее, что могло с тобой случиться.

Скорее это я сделаю тебя трупом. Молчу, но за меня всё говорят мерцающие от сдерживаемого гнева глаза.

Мой принц обещал забрать меня, сделать своей женой, это было пять лет назад, и я жду до сих пор.

Я избегала короля, пряталась за обязанностями фрейлины, за играми с Элизабет, брала на себя обязанности служанки, притворялась больной, делала всё возможное, чтобы не оставаться с ним в одной комнате.

Но теперь Луи-Филиппу и дочь не помеха. Сегодня намечается бал, завтра день рождения Элизабет и всех её фрейлин — каждая вступает в пору совершеннолетия. После — свадьба принцессы. Фрейлин тоже будут пристраивать. Моей руки просили уже несколько вельмож, король отказывал каждому. Он рассчитывает, что совсем скоро я попаду в его лапы, ликует и, как видно, не может сдерживать себя уже сейчас. Будто всё окончательно решено.

Он успевает оставить на моей шеи жгучий поцелуй, прежде чем отстраниться и оглядеть с ног до головы вышедшую из-за ширмы Элизабет.

На ней пышное платье по последней моде, которая мне не особо нравится. По крайней мере, потому что девушки в таких нарядах чаще всего похожи на торт.

— Ну как, папочка, думаешь, принцу понравится? — она кружится и я, пользуясь моментом, слезаю со столика и поправляю юбку.

Элизабет симпатичная, у неё нежные черты лица, прямой породистый нос, волосы орехового цвета, такие же глаза. Она похожа на отца Луи-Филиппа, предыдущего короля. Его портреты украшают многие коридоры замка.

Вот только не каждому дано заметить сходство из-за манеры Элизабет подражать... мне. Она делает это как будто неосознанно, но всё очевидно до одури. Взять хотя бы парик из длинных льняных волос и слой пудры, нанесённый в попытке сделать кожу блее и бархатнее.

— Чудесно, — отзывается король, который присутствовал здесь исключительно по мою душу.

Элизабет будто бы не замечает его равнодушия, как и всегда. Я знаю наперёд всё, что может произойти в этом замке, могу предугадать каждую реплику любого члена королевской семьи.

— Ты должен подобрать украшения, — подаёт принцесса футляр, обшитый красным бархатом.

Я наблюдаю за всем в стороне. Это традиция. Отец решает, как будет выглядеть его дочь перед знакомством с женихом, потому что после свадьбы принцесса станет наряжаться так, как хочет муж. Обряд прощания, выпроваживания птенчика из гнезда. Трогательный, наверное, момент.

Мне хочется, чтобы король уделил внимание дочери и приободрил её. Элизабет — глупышка, но она не сделала мне ничего дурного. И я желаю ей всего самого лучшего.

Луи-Филипп достаёт из футляра аметистовое ожерелье и серьги.

— Думаешь, — волнуется принцесса, — подойдёт к моему образу?

— Подойдёт к глазам, — легко бросает король и отходит от неё.

Я стою, словно оплёванная и прибитая к стене гвоздями. Это к моим глазам подойдёт, а не к её. И взгляд короля, брошенный на меня, это подтверждает.

Какой же сволочью нужно быть...

Я стискиваю зубы и тяжело дышу. Луи-Филипп целует Элизабет в лоб и уходит, по пути коснувшись моего плеча.

Бал в самом разгаре, а принц задерживается. Элизабет это не расстраивает, она занята играми с гостями. Её фрейлины танцуют в одинаковых масках, чтобы на их фоне принцесса блистала ярче, что даёт мне прекрасную возможность улизнуть.

Я в своей комнате переодеваюсь в платье попроще, прячу волосы под шляпой, а лицо завешиваю вуалью.

Уже вечер, смеркается, по небу разливается розовизна, словно разбавленная кровь. На улице тепло, но не жарко, подол платья колышет игривый ветер. Он же доносит до меня сладкий запах роз, лаванды и бегонии. Время за стенами замка — лучшее.

Я иду по мосту, теряясь среди толп знатных вельмож. Повсюду шепотки и смех. Надвигающееся совершеннолетие принцессы — событие грандиозное. Приезд иностранного принца — тем более.

Но моя голова занята совсем другими вещами.

Я добираюсь до площади. За ней скрывается улочка с разного рода конторами, и мне нужно та, где прячут мертвецов.

Часто здесь бывать нельзя, меня вызывают лишь по особым поручениям, тайно передавая весточки в замок. Я была в конторе не так давно, значит, что-то случилось.

Или просто волнуются о том, что я неминуемо скоро стану ещё ближе к королю?

В прохладном помещении, воздух которого напоён аромо-маслами, запахами бальзамов и уксусов, как обычно, меня встречает Лука. Он улыбается, берёт за руку, хотя в этом нет необходимости, и проводит вниз по узкой, полуразрушенной лестнице, которую до сих пор никто не удосуживается заменить. Он высокий, широкоплечий, с растрёпанными волосами цвета ржавчины и зелёными глазами. Южанин, говорящий с лёгким акцентом. Имеет привычку напоминать, как я красива и в то же время добавлять, что светлые волосы и глаза всё же не в его вкусе, как и точёная фигура.

Смешной, но безобидный.

— Лука, — шепчу я, — что-то случилось?

— Не волнуйся, — над нашими головами чадят факелы, а запах с каждой ступенью становится всё тяжелее, — просто убили одного очень важного человека. Расследование уже провели, перед похоронами следует сделать то... что ты обычно делаешь.

Его голос сбивается. Мой дар кажется жутким, непонятным, неправильным. И не зря, ведь дела обстоят именно так, как видится со стороны.

Я целительница, возможно, последняя из своего рода, но мой дар открылся неправильно. И теперь всё, что я могу — это залечивать раны на мертвецах.

В тот день, когда на территорию нашего селения ворвались рыцари Луи-Филиппа с единственной целью — убивать и грабить, должен был свершиться обряд посвящения. Это был мой день рождения, тринадцать лет. Я должна была получить дар своих предков, а в итоге... Получила лишь реки крови и море криков, потеряла родителей и братьев, потеряла всех.

Я выжила, очевидно.

Но дар был испорчен, погребён под саваном и теперь моё главное оружие против короля — миловидное личико и связи с людьми, которым я сама не доверяю.

И которым помогаю с трупами в свободное от игр с принцессой время.

— Скажи, Лука, — снова завожу я свою обычную песню, — он не появлялся?

Речь о том, кто в последний раз говорил со мной на родном языке. Я не знаю имени этого человека и не видела его лица. Но это мой соотечественник. И тогда, когда он вышел со мной на связь, когда я была замучена дворцовыми правилами и насмешками короля, который показывал меня гостям, словно диковинное животное, тогда звука родного, красивого языка мне было достаточно, чтобы поверить и согласиться на... заговор.

Вот только об этом человеке ничего не слышно уже год, в подпольной организации остались лишь местные и иностранцы, я мало знаю об их настоящих целях, а потому с каждым днём сомневаюсь всё больше.

Признаюсь, я долгое время мечтала отомстить королю за начатую им войну. Он никогда не поймёт всю глубину моей ненависти. Но сейчас я сомневаюсь, что смогу совершить убийство. Тем более, когда не знаю, в чьих интересах действую.

— Нет, прости, ничего нового я тебе не скажу, — тянет Лука.

И я киваю.

В подвале коптят лампы, мы довольно глубоко под домом, так что здесь ощутимо прохладнее, как и нужно. Мертвецы попадают сюда по заедающему лифту, которым никто, кроме них не горит желанием пользоваться. На столах лежат накрытые тканью тела, между ними суетится сгорбленный черноволосый мужчина по кличке Ворон. Понятно, что похоронное бюро — прикрытие для гнездовья интриг, но Ворону вполне себе нравится эта работёнка, а вот мне не очень.

Здесь слишком специфический запах, холодно и мрачно. Я уже привыкла к мёртвым, но тоненькая леска страха от головы до пят внутри меня всё равно натянута и подрагивает. Я привыкла сдерживать эмоции, но на самом деле далеко не такая безразличная, как всем кажется.

Лука оставляет нас, идёт секретарствовать наверх, а я поднимаю вуаль.

— Здравствуй, Ворон, какие новости?

Он указывает на единственное ничем не прикрытое тело тучного мужчины с ножевыми ранениями. Мол, вот и вся работа.

Я киваю. Это не составит для меня особого труда.

Снимаю тонкую перчатку и касаюсь его плеча. В первую очередь затягиваются царапины на лице, затем поверхностные раны, а потом и глубокие, смертельные. По моей щеке катится горячая слеза, в висках начинает звенеть. Слегка. Терпимо. Любая магия отнимает силы. Даже такая бесполезная, как у меня.

— Молодец, — улыбается Ворон, — теперь он совсем как новенький!

Только вот я бы даже царапину не убрала, будь он живым. Никого не смогла бы спасти. Как никто не спас моих родных — всё произошло слишком быстро.

Похоронное бюро прекрасно обошлось бы и без меня, но здесь люди заинтересованы в том, чтобы мой дар сошёл на нужную дорогу, чтобы я смогла исцелять живых. Поэтому мне нужно тренироваться и как можно чаще тревожить магию.

И отсюда же на моём теле есть шрам — результат попыток работать с живой раной.

— Его Величество сегодня открытым текстом сказал, что я должна буду отдаться ему в ближайшие дни. Завтра я перестану принадлежать принцессе, — напоминаю я с волнением в голосе, утирая слёзы и пытаясь привести себя в порядок после использования магии. Последние дни странные, даром управлять сложнее. Говорят, это зависит от фазы луны и ещё бог знает от чего. — Каков наш план?

— Ты же знаешь, — Ворон отвечает мне так же легко, как король недавно отвечал своей дочке, — мы пока подождём. Это хорошо, что ты будешь ближе к узурпатору. Ты должна будешь войти к нему в доверие. Не думаю, что это будет трудно. Но если всё же возникнут проблемы — передам тебе несколько порошков.

О, я уверена, что всё будет прекрасно и без магических добавок — вот только я этого не хочу.

— Разве нельзя сделать всё быстрее? Я бы отравила его или... заколола во сне.

Пытаюсь звучать уверенно. Хочу взглянуть на реакцию Ворона.

Он улыбается.

— Сейчас его смерть ничего не изменит.

— Я соглашалась на это, чтобы освободить свои земли, — выдыхаю я, понимая, что смысла скрывать недоверие нет. В конце концов, меня хотят подложить под короля, и я заслуживаю внятных объяснений. — Теперь человека, который нашёл меня здесь, нет уже год. Откуда мне знать, что мы с вами преследуем одни и те же цели?

— Я уже говорил тебе, он вернётся, тебе нужно лишь дождаться. Ну что ты, — он подходит ближе и намеривается положить руку мне на плечо. — Он тебя что, замуж позвал?

Я отшатываюсь.

— Нет, — одариваю усмешкой напоследок и прикрываю лицо вуалью. — Он — нет.

— Будь мила с Его Величеством, наблюдай за обстановкой, не лезь на рожон...

Я останавливаюсь у лестницы и, облизнув губы, переспрашиваю:

— Я думала, этого-то как раз от меня и нужно, разве нет?

— У нас это значит — не принимать поспешных решений, — в голосе Ворона улыбка, шутку он всё же оценил.

Поднимаюсь по лестнице я в компании своих мыслей, а наверху уже встречает встревоженный Лука, которому срочно нужно спуститься в подвал.

— Что случилось?

— Принц! — выпаливает он. — Принц до нас не доехал. Его... р-разодрали.

— Как?

В ответ я получаю лишь одно слово, всё объясняющее:

— Дракон.

Я успеваю переодеться, вплести цветы в волосы и вернуться на бал как раз в тот момент, когда Луи-Филипп объявляет всем, что пляски нужно прекратить в связи со скорбной вестью о смерти избранника Элизабет.

Теперь всё королевство должно облачиться в траур на сорок дней. Иначе у соседней страны возникнет слишком много вопросов.

Соответственно, празднование совершеннолетия принцессы откладывается.

И все фрейлины останутся при Элизабет.

Я совру, если скажу, что не рада такому повороту событий. Но действия дракона тревожат. Элариса пытались прогнать или убить много раз, но с каждой стычкой он становился лишь

сильнее и, в конце концов, обосновался в нескольких днях от замка Луи-Филиппа. В Городе Мертвых. Иными словами, на руинах того места, что сам же сравнивал с землей. Мне непонятно, почему король допустил такое соседство.

Избавление от нападков дракона традиционное — каждый месяц из разных уголков королевства ему посылают девственных красавиц, якобы невест.

Мне всегда было жутко оттого, что он существует так близко, и что каждый месяц многие девушки, ни в чём не повинные, прощаются с жизнью ради блага остальных.

Я не верю, что на моих родных землях допустили бы такое. Но думать об этом нет смысла — сейчас Луи-Филипп управляет и ими, как своей вотчиной.

Он ловит меня в коридоре и прижимает к стене. Я даже не успела переодеться, не сняла маску, так что это приходится сделать ему, причём рывком, гораздо грубее, чем обычно.

Я вздрагиваю и упираюсь в него непонимающим, но твёрдым взглядом.

Сам он выглядит так, будто самолично готов отвезти меня к дракону и бросить в его логове.

— Накаркала, да? — Филипп бьёт кулаком... в стену. Совсем близко от моего лица. Готова поспорить, там теперь трещина. Забавно. — Как ты это объяснишь?

Я хмурюсь и чувствую, как бледнею. Неужели раскрыл заговор? Интересно, как, если даже я в нём ничего не понимаю.

Или просто заметил, что я уходила?

Так и не мудрено после таких непристойных предложений, девушке, может, выйти нужно, свежим воздухом подышать, подумать блондинистой головешкой.

— Я не понимаю вас, Ваше Величество.

И даже делаю вид, что едва не падаю в пресловутый обморок — умение любой уважающей себя фрейлины.

Вместо того чтобы снова втемешивать кулаки в стену, король приобнимает меня за талию и зарывается носом в волосы, на которых ещё держатся фиалки. В его руках и от волнения я слегка теряю ориентацию в пространстве, поэтому вцепляюсь крепче во фрак и запрокидываю голову, чтобы оглядеться. Он тут же переключается на открытую шею и проводит по нежной коже языком.

Это отрезвляет. Во всяком случае, он не собирается убивать меня прямо сейчас. Кажется. Я пытаюсь вырваться, Филипп смеётся бархатным, красивым смехом.

— Разве не ты намекала сегодня на траурное платье для моей дочери?

Я могла бы рассмеяться в ответ, и этого хватило бы, чтобы быть оправданной. Тем более что Его Величеству нравится моя улыбка.

Но не сдержалась.

— Зачем вам прислушиваться к речам деревенской девки?

— Обиделась? — он улыбается и запускает пальцы в мои волосы. Такая смена настроений пугает и сбивает с толку. — А должна гордиться собой. Мне хочется говорить с тобой и хочется тебя добиваться.

— Я не горжусь, мне попросту неинтересно ваше общество.

— Даже так?

Я улыбаюсь. Пусть наслаждается.

— Ничего личного, у всех свои вкусы. У меня свои, у вас свои. В мои вы не входите. Ни вы, ни ваша корона.

Луи-Филипп подхватывает меня на руки и прижимает к стене так, чтобы наши глаза были на одном уровне. К своему стыду, я охаю от неожиданности и напора, может даже, всхлипываю. Сама себя плохо слышу за буханьем сердца. Его глаза горят синим огнём. Король прижимает мои запястья к стене над головой, от его тела исходит жар, я тяжело дышу и бросаю на него взгляд полный... мольбы.

И ему это... нравится.

Я понимаю, что не смогу провести с ним ночь, что лучше умереть.

Ещё понимаю, что убить его не смогу — тоже.

Снова всхлипываю, он шепчет на ухо:

— Моя маленькая, хорошая, разве плохо тебе будет со мной? Чего ты боишься? Чего ты... хочешь?

Я в ответ дёргаюсь.

Он кусает за мочку уха, целует в волосы, висок, щеку, вот-вот доберётся до губ...

Краем глаза я замечаю столпотворение в коридоре.

Дёргаюсь сильнее и выдавливаю из себя:

— Ваше Величество... ваша... супруга...

Он бросает весело:

— К чёрту её!

И только после этого отпускает меня и оборачивается.

Дрожат ноги, а взгляды фрейлин королевы пронзают насквозь ледяными копьями. Хотя некоторым из них и весело, ситуация щекотливая.

Сама королева Флория сохраняет лицо, оно и понятно, это всё, что ей остаётся. Она высокая блондинка с грубоватыми чертами лица и тусклыми, светлыми глазами. Стоит в строгом платье, вцепившись в собственное запястье пальцами, униженными перстнями. Вторая жена Его Величества. Первая, мать Элизабет, умерла родами. Флория отличается более крепким здоровьем, она родила королю двух сыновей и одну дочь, но старшему ребёнку нет и десяти лет. Я почти их не вижу в замке, дети здесь начинают что-то значить лишь после одиннадцати. Слишком часто умирают.

Мне жаль королеву, но таков её удел. Не я первая фрейлина, зацепившая короля, не я последняя. Мужская верность здесь, тем более среди аристократии — вещь неслыханная.

— Что-то случилось, дорогая? — Луи-Филипп улыбается жене, я слышу это по его голосу.

— Раз бал отменяется, поужинаем вместе? Элизабет сейчас как никогда нужна наша поддержка.

— Разумеется, — до меня доносится лишь отголосок его ответа, поскольку я уже далеко за поворотом.

Теперь, помимо всего прочего, нужно будет следить за тем, что я ем и пью.

Король чётко дал понять, что не собирается скрывать нашу якобы связь.

Разве королева, дочь севера, будет это терпеть?

— Ты прикроешь меня, правда? — уточняет Элизабет с лёгкой полуулыбкой.

Мы в кремовых покоях принцессы. Время готовиться ко сну, и я расчёсываю её мягкие волосы, отливающие золотом в отблесках свечей. На ней красное, довольно откровенное платье в пол и тёмная накидка. Наряд вовсе не для сна. Я закалываю ореховые волосы заколками с рубинами, приглядываюсь и поправляю пару прядей.

— Теперь идеально, — люблюсь ей. — Я уже согласилась, Элизабет.

Мы делаем это не в первый раз. Так как она почти всегда появляется на приёмах в парике, не обязательно маскироваться слишком для ночных прогулок с любовником.

Сегодня ещё и в чьём-то доме собирается вся не удовлетворённая отменой веселья знать. Они уже потратили кучу времени и сил на образы и рассчитывали выпить и потанцевать. Так что, празднику быть, пусть и подпольно. И Элизабет явится туда вместе с Эдвардом как раз в тот момент, когда на них уже точно никто не станет обращать внимание.

Да, принцесса не слишком скорбит по суженому, сорок дней — приличное время, чтобы найти для неё другую кандидатуру, и его к тому же можно занять симпатичным рыцарем. Поэтому нет смысла печалиться.

Я никогда не понимала, как можно быть такой легкомысленной. Элизабет в первый же день моего пребывания в замке назвала меня своей лучшей подругой. И это несмотря на моё агрессивное поведение и непонятную ей речь. У меня были красивые волосы — этого было достаточно.

Она так и не поняла, в чём моя проблема, почему я постоянно такая... безрадостная, если мы остаёмся наедине.

Я пыталась ей объяснить, что осталась без семьи и жизнь в замке это не исправит.

На это был здравый ответ: «Я тоже потеряла мать, но у меня есть отец, он будет и тебе отцом, ведь он — король!».

Я ненавидела его. И уже тогда понимала, почему он сделал меня фрейлиной. Пусть и смутно.

Но дурить этим голову Элизабет не собиралась. Она очень скоро стала мне подражать и мы окончательно нашли общий язык, когда мне пригрозили мучительной смертью, если я не буду милой и улыбчивой. Это был Луи-Филипп, да. Он был довольно жесток, когда считал меня ребёнком. А пару лет назад резко стал обходительнее.

Думая об этом, не могу сдержать усмешку. И сейчас ощущаю на себе, словно раны, невидимые следы от его рук и губ.

Спасибо королеве, что не дала ему забрать у меня первый поцелуй. Мне жаль отдавать даже его, не то что что-то большее...

Мелькает мысль napроситься на гулянку вместе с Элизабет, встретить какого-нибудь первого встречного и...

Представляю лицо короля, когда он поймёт, что я не такой уж и ценный приз...

Но — вздыхаю — я хорошо знаю себя, и ни за что не стану усугублять ситуацию ещё больше и вредить себе из-за ненависти к Его Величеству.

— Если кто-нибудь зайдёт, ложись и утыкайся лицом в подушку. Ко мне как-то Флория пришла, ей не спалось, представляешь? — Элизабет фыркает от возмущения. — А если бы меня не было?

На удивление она очень хорошо общается с мачехой. А что, они обе девушки, и между собой им нечего делить — принцесса не представляет угрозы, как наследница престола, Луи-Филипп равнодушен к ним обеим, так что...

Я сажусь на край кровати. Волосы давно распущены и приведены в порядок, белое ночное платье из мягкой, приятной ткани льнёт к телу, на большом пальце ноги привычное серебряное кольцо.

— А у вас с отцом уже всё было? — вдруг спрашивает Элизабет, и я едва ли не задыхаюсь от неожиданности.

Я ведь действительно считала, что у неё, дурочки, несмотря на все эпизоды, которые она видела, никак не могло отложиться в голове, что я нравлюсь королю.

Она всегда была в каком-то своём мире, будто феями укушенная. В этом мире сладко цвели цветы, платья были из лучшего шёлка, а «папочка» любил её больше жизни.

А ещё там была я, радостная и верная фрейлина.

Которой вовсе не снятся кошмары о том дне, когда войска её отца смели мирное селение простых людей и светлых магов...

У которой вовсе не отняли имя и дату рождения. Ведь любая фрейлина отмечает этот день в то же время, что и принцесса. Она не может родиться зимой, если её великородная подруга родилась летом. Все делают вид, что не может.

Фрейлина, которая рада выйти за того, на кого ей укажут или вовсе стать вечной приреченной любовницей, игрушкой для королевской спальни.

Это всё так весело. До слёз.

Я и не против, даже рада была, что у Элизабет всё хорошо и спокойно. Я даже ни разу не видела её сильно расстроенной. За все пять лет.

— Ничего не было.

Она хмыкает в ответ и возвращается к разглядыванию собственного отражения.

— Да ладно тебе, всё нормально, я рада за тебя, пусть Флории это и не нравится. Всё-таки она мать его детей.

— Я же тебе сказала: ничего не было.

Элизабет лишь усмехается. И на том спасибо. Я вздрагиваю, когда со стороны балкона до нас доносится скрежет. Хотя нет ничего удивительного — через минуту в комнату заходит разряженный и уже не совсем трезвый жгучий брюнет.

— Эдвард, — вздыхает Элизабет, а я поднимаюсь, чтобы проверить, хорошо ли закрыта дверь.

Совсем уже совесть потеряли оба! В конце концов, это королевский замок, нельзя ли поаккуратнее?

Я предпочитаю отвести куда-нибудь взгляд, чтобы лишний раз не видеть, как принцесса лобызается с рыцарем, и как далеко он распускает руки. Хорошо хоть она ещё пока не догадалась просто оставлять его у себя на ночь.

Они спускаются по канату, и я сворачиваю его.

Моя помощь заключается в том, что я, если что вдруг, должна притвориться Элизабет, а в остальное время не спать и ждать её возвращения, чтобы спустить верёвку.

Её главная миссия: не напиваться до того состояния, когда она уже не сможет забираться вверх или хотя бы держаться за верёвку и приходить до рассвета.

Я остаюсь одна и с подозрением перевожу взгляд на мягкую кровать. Огромную, нежно-розовую, с балдахином. Спать нельзя, так что к ней лучше вообще не приближаться. Зеваю в плечо и тянусь к кольцу на большом пальце ноги, чтобы коснуться серебра и этим унять тревогу.

В тот день, когда моя жизнь разделилась на «до» и «после», каким-то чудом рядом с селением охотился принц Лунард и несколько рыцарей. Они попытались помочь подданным, но было слишком поздно. Принцу удалось спасти лишь меня одну. Мы оторвались от погони, устроили привал. Я плохо помню детали. Я совсем не могла плакать от шока, только дрожала, словно от холода, хотя сидела рядом с костром. Языки пламени что-то шептали в диком танце, небо было волшебное, чистое, усыпанное яркими звёздами, которых будто стало в два раза больше. Моя одежда, руки, даже волосы — всё было в крови.

Лунард обнял меня, от него пахло дымом и чем-то едва уловимым, тонким, приятным. Может, духи не успели выветриться на охоте или что-то ещё. Я потом долго пыталась понять, что это за запах, разобрать по косточкам эту деталь, но — увы.

В его объятьях я почти перестала дрожать и даже почувствовала тягу ко сну.

Пока не услышала дурацкое, мне даже тогда казалось, что дурацкое: «Когда подрастёшь я на тебе женюсь, даю королевское слово».

И я буркнула — должно быть, недоверием блеснули фиалковые глаза ребёнка — помню это очень хорошо: «Врёшь».

Принц рассмеялся, хотя до этого не смеялся никто, ведь началась война.

И отдал мне свой серебряный перстень.

Потом он ускакал куда-то с одним из рыцарей, а я отправилась в путь с другими, должно быть, меня хотели довести до ближайшего города.

Но не успели.

Рыцари наткнулись на отряд армии Луи-Филиппа и... Всё случилось быстро. Я помню, что со мной собирались сделать, теперь даже могу перевести половину слов, которые падали на песок в тот момент. Но один из них, как я поняла, предложил подарить меня королю. Выслужиться таким образом всяко дальновиднее. Да и я была совсем ребёнком, даже не подростком на вид. Думаю, это тоже сыграло роль.

Так я сюда попала и так я здесь жила.

Прошло пять лет.

Я всё ещё храню кольцо Лунарда и всё ещё жду, что он выполнит своё обещание.

Мне уже месяц как по-настоящему стукнуло восемнадцать лет.

Вот только он пропал и о нём со времени нашей встречи нет никаких вестей.

Я надеюсь, что принц жив и помнит меня.

Но надежда тает с каждым днём.

ГЛАВА 2. Беседа под луной

ГЛАВА 2. Беседа под луной

На часах полночь, и у меня странное ощущение, будто что-то подобное со мной уже происходило. Едва уловимое и необъяснимое, порождающее тревогу о том, что не смогу удержать, осознать, оставить чувство у себя под рёбрами.

Оно упорхнёт белым мотыльком и раствориться во тьме...

Пламя свечи, лезвие ножа, шуршащий ветвями ветер.

Уже.

Что-то болезненно свербит в сердце. Я облизываю губы, ёжусь и отвожу взгляд от собственного отражения в стали. Пора.

Рядом кувшин с водой, белые лоскуты изрезанной простыни, свеча и нож. Пол так же застелен куском светлой ткани. Ничего нельзя испачкать.

Я устраиваюсь в позе лотоса, подвязываю платье на поясе, чтобы не мешалось, и сверлю взглядом глубокий только зарубцевавшийся шрам поперёк бедра. Начинаю дрожать, могу себе представить как, словно от страха, расширяются мои зрачки. Я плохо переношу боль, особенно подобного толка. Мне неприятно видеть кровь. Каждый раз я уговариваю себя бросить бесплотные попытки достучаться до собственного дара. Смириться уже наконец со своим положением и либо оставить прошлое и попытаться сбежать, либо оставить его и остаться здесь, в тепле... в руках короля.

Звучит ужасно, но мне иногда кажется, что надеется на что-то другое — глупо и наивно. Причём одинаково наивно и кромсать собственное бедро, когда всё, что у меня есть — красота, и ждать принца на белом коне, который вытащит меня из логова дракона.

Чем Луи-Филипп не дракон, под стать Эларису?

Усмехаюсь, пока накаляется лезвие, и провожу им по широкому рубцу, не давая себе больше времени на размышления.

Из глаз тут же ручьём текут слёзы, я с трудом заставляю себя держать зубы плотно сомкнутыми и только тихо поскуливаю. Кожа мгновенно покрывается холодным потом, сердце реагирует неприятными кульбитами, словно ему не по себе стало работать на меня. Я стараюсь глубоко дышать и держаться за свою цель — достучаться до дара, соединить ткани, хотя бы просто остановить кровь. Мне кажется, я только из упрямства не падаю в обморок.

Руки дрожат, я вцепляюсь в ногу, уронив нож.

И с каждым мгновением становится легче. А дальше — только терпеть. Это я умею. Промокаю кровь тряпками, она продолжает стекать, но за ней уж хотя бы видно рану.

Представляю, как ткани соединяются, кровь останавливается, боль исчезает навсегда.

— Пожалуйста... — шёпот валится с искусанных губ. — Пожалуйста...

Сверлю рану взглядом. На мгновение чувствую ещё более яркую боль, тонкую и острую, будто по ране хлестнули ещё раз.

Может, так ощущается сила?

Но никакого эффекта.

Я выдыхаю и валюсь на пол прямо на заранее брошенную позади подушку.

Больше не могу.

Мне говорили, что лучше всего работать со свежими ранами, но в теории я должна заживать даже многолетние шрамы. Так что у меня есть с чем работать ещё долго. А если не выйдет — придётся пройти по шраму ещё раз. В том же месте. И так снова и снова.

Ворон говорит, что обычные люди не почувствуют боль, если вскрыют старые шрамы, но целители на то и целители, чтобы быть уязвимыми и болезненными, чтобы острее чувствовать боль и страх. Мы так устроены ради баланса и чтобы не натворили дел.

Забавно, потому что дар исцелять я не получила, а его последствия — с лихвой.

Пять лет попыток заканчиваются одним и тем же — обладателю смертельных ран нужно умереть, чтобы я смогла что-то сделать.

— Бестолочь...

Поднимаюсь снова, пропитываю тряпки кровью и оставшимися лоскутами перевязываю бедро. Рука на это уже набита.

Клянусь себя за это, но дурацкие мысли снова скачут к королю и его дурацким выходкам и словам. Может быть, он поссорился с супругой и решил отыграться с моей невольной помощью?

При всей моей ненависти к нему есть один нюанс... Он мог хотя бы попытаться взять меня силой всё это время, никто бы его не остановил.

Хотя ему нравится играть, словно разжиревшему коту, может быть, дело только в этом.

Дурацкие мысли. Моя жизнь в королевском замке каждый день по кусочку съедает меня прежнюю, горящую только зыбкой влюблённостью, скорбью, верой в обещание, ненавистью. Всё чаще думаю о том, как буду жить без Элизабет в замке и как буду вести себя с Филиппом.

Что он скажет о моей ране, если её увидит?

Я... совершенно запуталась. И некому меня встряхнуть.

Выдыхаю.

Вспоминаю о кольце и на глазах наворачиваются жгучие слёзы.

Касаюсь прохладного металла, осторожно обнимаю свои колени, морщась от боли.

Мой принц...

Я ведь даже не знаю его, только помню тепло объятий и попытку утешить. Блеск голубых, чистых глаз. Он был красив, но я уже не могу вспомнить подробностей и воображение каждый раз рисует новый образ.

— Я знаю, ты мёртв, ты был убит на войне, — шепчу, чувствуя, что схожу с ума. — А если жив, значит, я тебе не нужна. Или ты в беде, Лун... А я ничего не могу сделать. Я думала — открою силу и сбегу тебя искать. Ведь тогда от меня будет толк, я смогу тебя выручить, но я просто... смазливая деревенская девка.

Я не могу быстро успокоиться, волосы покрывалом скрывают меня от внешнего мира.

Иногда я говорю с ним так, будто бы он может услышать. И всякий раз это заканчивается слезами. Я устала от этого.

Я больше не знаю, во что верить.

О королевской семье моей страны и полслова не слышно. Ворон лишь пожимает плечами, а в замке вообще нет никаких способов узнать что-то, что касается политики. Для женщин, живущих там, чтобы выходить замуж или рожать детей, по крайней мере. Нет даже серьёзных книг. Оттого все разнузданы и поверхностны, они живут лишь слухами о любовных похождениях друг друга, оторванные от реального мира, слишком поглощённые тем, чтобы попадать в ритм бесконечного вальса.

За пределами замка и похоронного бюро мне тоже не удалось выцепить ничего нового. Прошло всего пять лет, а люди уже считают мою страну своей, будто бы так было всегда.

Это задевает меня.

В нашем селении с детства учили обычаям, объясняли, что они означают, рассказывали сказки и легенды о старых королях и ныне живущей королевской семье. Её все очень любили, ведь считали, что люди голубых кровей благословлены всеми двенадцатью богами. У нашего короля было три сына — Радгард, Лунард и Фернанд.

Последний спросил позволения отправиться в путешествие, бродить нищим по белу свету, чтобы стать мудрецом.

Кто-то из двоих братьев, Радгард или Лунард, должен был стать следующим королём.

После войны ни об одном, ни о другом ничего не слышно, хотя и точно сказать, что это связано, нельзя.

Всё это так далеко от меня, словно было несколько тысяч лет назад.

Вряд ли я ещё когда-нибудь увижу родные леса, в которых охотился мой принц...

— Иногда я думаю, — всхлипываю в последний раз, — был ли ты вообще?

От собственных слов становится страшно, я отбрасываю все опасения и с трудом поднимаюсь.

Мне нужно выйти на балкон, чтобы прийти в себя. Немного отдохнуть и попытаться договориться с раной ещё раз.

Ворох окровавленных тряпок завязываю в узел и оставляю у двери, чтобы не забыть вынести. Элизабет точно не предаст этому значения. А вот нож держу в руке. Теперь стоит привыкнуть носить с собой оружие.

Я больше не ребёнок и без пяти минут не фрейлина принцессы, никто меня здесь не станет жалеть.

Воздух свежий, едва прохладный, я с трудом стою, голова гудит, но ночь такая красивая, такая... знакомая и приятная, что... становится больно.

Не физически.

Не могу стоять на месте, я потеряла много сил и чувствую, что ещё чуть-чуть и засну тут же.

Говорят, закат полыхал красными всполохами, совсем рядом бушует дракон, вполне возможно, невест ему больше недостаточно, и земли Луи-Филиппа окутают пожарище и смута. Тревожное время. Я усмехаюсь прогоркло, яд срывается с губ. Но нельзя радоваться несчастьям простых людей, они здесь ни при чём.

Надеюсь, с Эларисом справятся.

Дракон должен умереть.

Ночь тёплая и спокойная, до меня доносится сладкий запах цветов, ветер словно поёт тихую колыбельную. Я делаю глубокий вдох и забираюсь по выступам выше, к лестнице, что ведёт на крышу.

Эта ночь убаюкивает и этим напоминает другую.

Словно на гору трупов набросили тёплое и тёмное покрывало — и будто ничего не было.

Рана ноет, но я терплю. Осторожно свешиваю ноги, устраиваюсь удобнее.

Мне нравится иногда бывать здесь и представлять, как подо мной спят несколько этажей замка. Король с королевой, слуги и даже рыцари на посту. С балкона обзор закрывает королевский сад, но отсюда видно бочок столицы-повесы, которая всё ещё не спит. Это успокаивает меня почти так же, как блеск серебряного кольца. Звёзды над головой притягивают взгляд и на мгновение кажется, что я могу подняться к ним, упасть в небо, стать легче лебединого пера...

Ветер меняет тон, на мгновение мне кажется, что шуршание позади — звук чьих-то тяжёлых шагов.

Я вздрагиваю и оборачиваюсь.

Здесь иногда ходит стража, ничего необычного. Но сейчас позади никого нет.

Рана снова пульсирует сильнее обычного, я стискиваю зубы. Не хватало ещё свалиться из-за внезапного обморока. Цепляюсь за нож.

— Принцесса гуляет по ночам? — звучит грубый мужской голос с хрипотцой, и я вздрагиваю на этот раз оправдано.

Пытаюсь отшатнуться в сторону, но быстро понимаю всю соль ситуации — в плечи вцепились жёсткие пальцы, словно железные тиски. Попытка обернуться или запрокинуть голову заканчивается полным провалом — мужчина устроил подбородок на моей макушке, уселся вплотную ко мне и, должно быть, глядит на город точно так же, как и я. Он дышит прерывисто

и с присвистом, будто серьёзно болен, но при этом силы в нём не меньше, чем в короле. Я дышу через раз. Сердце колотится быстро и как-то отчаянно.

Во мне теплится надежда, что это не враг. Не мой враг.

Но — меня приняли за принцессу.

— Кто вы такой?

Я. Слышу. Усмешку.

Он ничего не говорит, не хмыкает даже, но я понимаю, что незнакомец усмехается куда-то в мои волосы. И выходит как-то тепло, а оттого жутко и странно.

Снова дёргаюсь — специально или нет — меня толкают ближе к краю.

Вскрикиваю не столько от страха, сколько от боли в ноге. Чувствую, как кровь пропитывает повязку, видно, сегодня резанула слишком глубоко. Место там опасное, но самое незаметное и удобное. В любом случае, если бы я перерезала артерию, не сидела бы здесь. Всхлипываю и тут же чувствую, что мужчина немного отстраняется. Я пытаюсь обернуться, чтобы заглянуть ему в лицо, но вижу лишь рваный, окровавленный кожаный плащ.

— Я кое-кого искал, но не надеялся найти этой ночью, — звучит тише прямо у моего уха.

— Отпустите меня... для начала, — у меня не выходит выдать ничего, кроме невнятного шёпота.

Его рука касается моей талии поверх тонкой белой ткани, и я с ужасом замечаю длинные чёрные когти, шрамы и татуировки на сероватой коже.

Мысли путаются. К замку этой ночью пожаловал демон, маг или даже дракон... Говорят, что любой дракон когда-то был человеком. И что они могут принимать человеческий облик. Легенды ходят разные, противоречивые, но каждая по-своему жуткая.

Неужели Эларис сошёл с ума и заявился сюда, чтобы украсть принцессу?

Рука спускается всё ниже и касается моего израненного бедра. Я вздрагиваю, покрепче хватаюсь за рукоять ножа и... пронзаю остриём ладонь мужчины насквозь. Пытаюсь отшатнуться в сторону. Но меня по-прежнему крепко удерживают на месте, а с губ незнакомца срывается тихий, едва уловимый стон.

Это больно. Я знаю. И достойно гораздо большей реакции.

Но мужчина меня ею не порадовал.

Руку он отнимает, но другой удерживает поперёк живота.

— Я не думал, что ты сможешь что-то сделать со своим якобы оружием, приятно удивлён... — ему... весело. — Откуда рана? — а это спрашивает уже со строгостью.

Так, будто имеет право знать.

— Отпустите... Кто вы?

— Уже и не знаю, как тебе ответить, Варрияра...

Я вздрагиваю, в его исполнении моё настоящее имя звучит, словно чужое.

Он ещё несколько секунд дышит в мои волосы и оставляет в них... поцелуй, прежде чем слегка отстраниться.

— Будь осторожна, не делай резких движений, иначе упадёшь.

Мужчина медленно, будто нехотя, отпускает меня и отходит на шаг.

Я тут же поднимаюсь, терпя острую боль в ноге, и оборачиваюсь резко, готовясь нанести ещё один удар ножом. Хотя и понимаю, что едва ли он этого опасается, если оставил оружие при мне даже после того, как я его ранила.

Сердце замирает, он назвал моё имя, что если...

Что если я увижу чистые, голубые глаза моего принца?

Высокий мужчина, окровавленный, опасный с тёмным платком, повязанным так, что не видно лица. Волосы включенные, длинные и тёмные. Но глаза... чужие.

Я отшатываюсь в сторону, смахиваю слёзы и вытягиваю перед собой руку с ножом.

— Не подходите ко мне!

А в ответ получаю лишь хриплый, острый, словно тысяча лезвий, смех.

— Что? — не выдерживаю, хотя впору было бы звать на помощь во всю глотку.

И заодно объяснять ночные прогулки по крышам и отсутствие принцессы, ну да.

У него жуткие глаза, слишком светлые, серебристые радужки, почти сливающиеся с белком, его взгляд трудно вынести.

И он впивается в меня им так, словно пришёл только за этим и мира вокруг просто не существует.

От него исходит жар, и я понимаю, чем ещё пахнет здесь кроме крови — тёмной, горчащей на языке, магией.

Мне с ним не справиться, никакая сталь здесь не поможет.

— Откуда, — успокаиваюсь я, словно всё уже решено, и неважно в чью пользу, главное, что бояться нет смысла, — ты знаешь моё имя?

Снова усмешка, теперь я понимаю это по глазам.

— Говорят, что принцесса очень красива, — начинает он, подбираясь ближе, — но её фрейлина ещё краше.

Это никак не объясняет то, что он назвал меня полным именем. Я молчу, сцепив зубы, отступая на шаг назад, ближе к краю.

— Говорят, что она словно фея, что веселит весь двор, а ещё отказывает самым родовитым женихам.

Это я-то отказываю?

Отказывала бы, если бы меня спрашивали.

— Говорят, — его голос меняется, меня снова захлёстывает страх, словно сейчас произойдёт что-то ужасное, голова кружится, удерживаться на ногах всё сложнее, — что она желает лишь короля и хочет потеснить саму королеву...

От возмущения я открываю рот, но понимаю, что не могу ничего сказать.

И что падаю.

В ватный, одуряюще-тёплый мир.

Из которого меня выдирает жёсткость рук и жар чужого тела.

Я не сразу прихожу в себя, несколько долгих мгновений просто пялюсь в небо, едва дыша. Звёзды поют свою безмолвную песнь, на моих губах играет улыбка.

Я чувствую пальцы мужчины на своей ступне и вспоминаю про кольцо.

— Не трожь! — с губ тут же срывается выкрик. — Не смей!

Я пытаюсь приподняться, попутно понимая, что затылком упираюсь в его колено, а сам незнакомец склонился, чтобы рассмотреть то последнее, что осталось у меня от прошлой жизни.

Он отстаёт от кольца, я всё ещё чувствую его на пальце. Запускает руку в мои волосы, усмехается:

— Оно не предназначено для того, чтобы его носили таким образом. К тому же мужское... Откуда у тебя?

— Это подарок...

Я только сейчас понимаю, что мы уже на балконе. Мужчина с тёмной энергетикой сидит прямо у покоев принцессы. А я не могу собраться с силами и закричать.

— Вижу, — предполагает тихо и задумчиво, — эта вещь дорога тебе?

— Д-да.

— Разве же король не дарит подарков?

Я морщусь инстинктивно.

И замираю, когда губы незнакомца касаются моего лба. Обжигающе-горячо. Проходит будто вечность, я не пытаюсь вырваться. Получается взглянуть на него, лишь когда он отстраняется. Снова в платке, лица не разглядеть.

— В слухах мало правды.

Он кивает.

— Я хочу увидеть тебя в следующую полную луну, — шепчет, продолжая пропускать горячие пальцы сквозь пряди моих волос. — Тогда отвечу на твои вопросы.

— Я не понимаю...

— Только скажи, — не обращает незнакомец никакого внимания на мои возражения, — ты сможешь о себе позаботиться? Откуда эта рана? Тебе нужна помощь?

— Случайно. Я, — внятно объяснить не могу, да и не уверена, что это нужно.

Он отстраняется, и я чувствую, как колет сердце. Совсем скоро я останусь здесь одна.

— Не позволяй морочить себе голову. В любом случае. Но если не приду ещё раз — больше не жди меня.

Что это значит? Почему я вообще должна его ждать?

Он поднимается, я едва собираю себя по кускам и провожаю его взглядом, в голове тысяча догадок и ни одной дельной.

— И да, — останавливается он, оборачиваясь, его голос кажется мне уже привычным и не таким потусторонним, каким он слышался в первые минуты общения, — если ты всё-таки не хочешь ничего менять и собираешься оставаться в замке — просто скажи мне об этом.

Я тяжело сглатываю.

— Не хочу. У меня другие планы.

Он молчит. Не сходит с места.

— Какие?

Я приподнимаю бровь. То «что за рана», то «что за кольцо», теперь это!

Ничего не отвечаю, лишь сверлю его взглядом фиалковых, должно быть, влажных глаз.

Мужчина кивает, будто каким-то образом сделал для себя выводы.

И легко спрыгивает с балкона.

Я подползаю, чтобы проверить, не переломал ли он себе все кости, но на земле уже никого нет.

Может быть, он из похоронного бюро, но тогда почему не сказать мне об этом?

Вдруг это тот самый мужчина, что говорил со мной на родном языке год назад?

Незнакомец разговаривал с акцентом, но из-за присвиста и хрипотцы было сложно понять — с каким. А моё имя произнёс легко и правильно.

Сердце ещё долго не успокаивается, и я не могу отделаться от чувства, что эта ночь слишком похожа на ту, которую я всё ещё не могу отпустить.

Только на этот раз ключевую роль играет не Лунард...

И не он предлагает мне... что?

Увидится снова через несколько недель?

— Зачем... — хмурюсь и вовремя замечаю выходящую из сада Элизабет.

Сбрасываю ей верёвку. Она рано. Успею немного поспать.

Надеюсь, завтра будет спокойный день.

Спокойного дня не предвидится.

После бурной ночи я едва проснулась, как обычно, на два часа раньше принцессы — чтобы успеть составить список траурных нарядов на все сорок дней. В каждом сезоне новые тренды, Элизабет не станет носить то же платье, которое надевала, например, когда умер генерал, герой королевства и кто-то там ещё — у убийц обычно много званий, все и не упомнишь.

Когда всё готово, я отправляю список и иду на кухню. Принцесса иногда завтракает с родителями, но так как сегодня таких распоряжений не было, ей предстоит есть в компании фрейлин. В мои обязанности входит и контролирование слуг, так что я замираю на пороге и оглядываю поварих и посудомоек.

Мужчины на женской половине замка — редкость. Король ввёл такие правила несколько лет назад, должно быть, когда Элизабет стала достаточно взрослой, чтобы думать о поцелуях.

— Что-то случилось?

На мне простое чёрное платье в пол, волосы убраны в низкий хвост и только несколько небольших льняных прядок выются у лба. Заплетать косу времени не было.

Слуги затихают, будто ждут от меня чего-то особенного. Наконец, одна из старых поварих прочищает горло.

— Варя, ты разве не слышала?

Очень интересно. Что я такого должна была слышать? Король снова что-то выкинул, какие-то новые порядки? Завтрак перенесли? Но судя по перепуганным и раскрасневшимся лицам, моя догадка неверна.

— Да говорите уже! — прохожу на кухню дальше и цепким взглядом окидываю столы, пол и полки с посудой.

Я могу признать, что бываю даже слишком въедливой по части чистоты, и проводить время на кухне, контролировать дисциплину мне нравится куда больше, чем вести светские беседы и присутствовать на балах. Но хорошая фрейлина должна успевать на всех фронтах.

Прямо сейчас же привычный обход помогает мне немного успокоиться и подготовиться к новостям, очевидно, не самым приятным.

— Люди подняли смуту! Дракон сжёг дотла ближайшую к нему деревню, и наш принц, то есть принц Элизабет как раз таки мимо неё со своими рыцарями скакал. И досталось ему и другим. Двое только выжили, тело бедняжки привезли...

Я киваю. Про деревню не знала.

— Почему у вас картошка на полу валяется? — не удерживаюсь от замечания.

Но повариха даже глазом не ведёт, продолжает рассказывать:

— Народ опасается войны или то, что дракону этого не хватило, что он дальше начнёт по королевству летать, дома жечь... И они требуют у короля... — она всхлипывает.

— Убить дракона? — подсказываю я.

Моё королевство у Филиппа получилось под себя подмять, не понимаю, неужели у нас, то есть здесь, недостаточно воинов, чтобы прижать чудовище?

— Нет, Варя, если бы, так разве ж я тогда картошку не убрала бы давно?!

Действительно.

— Принцессу хотят ему отдать! Якобы тогда и соседи наши не в обиде будут, и дракон успокоится.

Я замираю. Перевожу взгляд с одной на другую, приподнимаю светлые брови, усмехаюсь.

— Вы серьёзно? Кто в здравом уме согласится на это? Луи-Филипп уж как-нибудь договорится с соседями, им-то как поможет, что и принцессу сожрут? А дракон-то почему останавливаться на ней должен? Она на вкус точно такая же, как и любая другая девушка, ей он не наестся на грядущий год.

— Но король закрылся у себя, думает!

Я просто не верю. Женщинам только бы лишний раз себя накрутить. Бедные, переживают, словно это их дочерей хотят дракону отдать.

— Готовьте завтрак, — выдыхаю я, — пойду узнаю, в чём дело.

— А что если с ней и фрейлин пошлют? Ты-то не боишься?

Я не выдерживаю и смеюсь. Нет, ну это уже ни в какие ворота! Мы-то кому сдались...

Нет повода стучаться к королю.

Нет, кухонные сплетни — не повод.

И всё же я делаю это со злым весельем во взгляде.

Пусть Его Величество оценит, за какое чудовище его держат даже слуги, которые должны любить и уважать правителя, как бога.

Я поправляю волосы и трогаю то место на лбу, которого касались горячие губы моего ночного гостя. Странное чувство не даёт надолго отвлечься от мыслей о сегодняшней ночи. Как и свербящая боль.

Король открывает неожиданно и оттого, какой уязвимой я себя чувствую временами, кажется мне ещё выше и опаснее обычного. На его губах тут же появляется усмешка, в глазах загорается огонь. Он хватается меня за талию и затягивает в свой кабинет.

— Впервые ты приходишь сама, вижу, обдумала мои слова?

Не отпускает меня и касается подбородка жёсткими пальцами, чтобы заставить смотреть в глаза.

Хотя я бы прекрасно с этим справилась и без его королевской помощи.

— Слава богам, — выдыхаю, совсем позабыв, что бог здесь только один. Ну да это довольно простительно для деревенской девки. — Я боялась, что вы будете серьёзным, раз на кону стоит жизнь вашей дочери, Ваша Светлость. Рада, что слухи неоправданны.

Не будет же он приставать ко мне, если решается судьба Элизабет?

Конечно, отец из него ужасный, но не настолько же.

— Ты это о чём, моя дорогая? — я морщусь, и он усмехается.

Мне кажется, что иногда он зовёт меня так намеренно, чтобы позлить.

А ещё мне кажется, что я слишком большого мнения о себе, но даже короли могут быть игривыми мальчишками в свои сорок, дело здесь не только в хорошенькой фрейлине.

— О том, что вы якобы раздумываете, не отдать ли принцессу Эларису.

Король ведёт плечом и наматывает на свой кулак уже все мои волосы, благо, сегодняшняя причёска вполне себе позволяет. Этот момент совершенно вылетел из моей головы.

— Я бы наконец поцеловал тебя, но думаю, время для этого неподходящее. Я знаю, что ты любишь Элизабет, но я уже всё решил.

Я распахиваю глаза и сверлю его непонимающим взглядом, как, должно быть, корова смотрит на мясника.

И он... усмехается. Меня насквозь пронзает холодом, во рту горчит привкус первозданной, без примесей, жестокости, словно это мне пришлось испить из этой чаши, а не предстоит Элизабет.

— Вы ведь шутите?

Он опускает меня и отходит к большому окну, выходящему на площадку перед главным входом в замок. На улице всё цветёт, погода ясная, по дорожкам, выложенным из камней, прогуливается парочка дам в роскошных чёрных платьях, траурных лишь номинально.

Сам Луи-Филипп как всегда во фраке, с зачёсанными назад волосами, собранный и всё-таки хмурый. Я не заметила этого сразу же за его радостью по поводу моего присутствия. От короля веет чем-то тяжёлым, как бывает, когда у мужчины трудный характер и не самое лучшее настроение. Только это король, и находится рядом с ним в такие моменты опасно для жизни. Видимо, поэтому он здесь без своего секретаря.

— Я бы мог так пошутить, действительно, потому что твоё личико становится вдвое краше, когда ты боишься. Больше люблю только твою улыбку.

Я чувствую, как его лукавые слова действуют на моё сердце, и хмурюсь.

— Но не в этот раз, — продолжает вдумчиво. — Обстоятельства действительно сложились так, что лучшим решением будет пожертвовать ей для общего блага.

— Да в каком мире подобное решение будет даже рассматриваться? — я подхожу к нему, останавливаюсь позади, ладонью уперевшись в стол, чтобы дать отдых ноющей ноге и перенести вес.

— Её долг посвятить свою жизнь служению королевству. Она восемнадцать лет не знала бед. И теперь должна заплатить за это.

— Ценой собственной жизни?!

Король оборачивается так резко, что я вздрагиваю. Он кладёт свою ладонь поверх моей и произносит вкрадчиво:

— Тебе повезло, что ты не принцесса.

Я пытаюсь её выдрать, но всё тщетно. Луи-Филипп продолжает:

— У неё есть долг перед королевством, и она прекрасно об этом знала. Если мне выгоден был её брак с принцем, она должна была выйти за него без нареканий. Сейчас дракон — её жених. Я не отправляю её на смерть, она станет невестой. Снова.

Я опускаю взгляд, оглушённая его словами. И всё же роняю:

— Когда?

— Сегодня же. Пусть выпится после гулянки и поест. Она должна будет проехаться по городу вечером, люди станут чествовать её как героиню-спасительницу. Здесь нельзя придумать ничего выгоднее. Это и значит быть королём, моя маленькая фрейлина, быть готовым пожертвовать многим ради народа. Даже дочерью.

В моих глазах стоят слёзы, но я всё же не сдерживаю колкого смеха. Пусть хоть голову мне отрубят, но держать лицо сейчас не стану!

— Вы знали о её маленьких шалостях, Ваше Величество?

Он усмехается, хоть в серо-голубых глазах и зияет недоумением пополам с... усталостью?

— Она всё же моя дочь. В отличие от тебя у неё есть чувства.

— Есть. Не представляю, насколько больно ей будет, когда она узнает о вашем решении. Не стройте из себя само благородство, вам ничего не стоит пустить её в расход!

Мне кажется, король вот-вот рассмеётся мне в лицо с тёмным весельем, под стать тому, что испытывал при нашей беседе мой ночной гость.

Но он замахивается, и я получаю хлёсткую пощёчину. В ушах звенит, свинцовая боль разливается почему-то по всему телу, на мгновение расплывается его кабинет. Я едва стою на ногах, стискиваю зубы до желваков, и это дополнительный повод боли разойтись и разыграться. Я не издаю ни звука и не поворачиваю головы, чтобы он не увидел моих слёз.

Это первая пощёчина в моей жизни.

И от короля — я могу собой гордиться. Забавно, что он всё ещё не отпускает моей руки.

— Ты ещё ребёнок, — выдыхает он.

С осторожностью касается моей алеющей щеки и вдруг... прижимает к себе, обнимая, заставляя спрятать лицо в чёрном фраке.

Я всё же срываюсь на плач. Беззвучный. Только плечи слегка подрагивают. Луи-Филипп гладит меня по голове, я просто не понимаю, чего он добивается.

Хотя...

— Если я соглашусь на то, чего вы хотите... — поднимаю на него колкий взгляд фиалковых глаз, — этого вы добиваетесь?

Красная от его удара, слёз и стыда, я жду ответа.

Его Величество улыбается и качает головой.

— Разве это не решено? Ты будешь моей и только моей.

— Если вам не нужно моё согласие, к чему был спектакль длиною в два года?

Он гладит меня по спине и вдруг заявляет:

— Я не враг тебе. Мне хотелось бы, чтобы ты это поняла. Я признаю, что могу быть жесток, но... брать тебя силой? Это неинтересно.

— Тогда я никогда не соглашусь!

— А если сохраню жизнь дочери, отдашься прямо здесь? — его переменчивые глаза вновь мерцают весельем.

Я судорожно сглатываю, но киваю.

Луи-Филипп отпускает меня и... указывает на дверь.

— Иди, Варя, у меня много работы.

— Но... — я стою, стискивая холодные пальцы в кулаки с набатом колотящимся сердцем.

— Исполняй обязанности фрейлины, занимайся Элизабет, улыбайся, чтобы ей не было так страшно.

Вдоволь насладившись моим недоумением и стыдом, Филипп выдыхает, серьёзный, словно глыба.

— Я хочу тебя — и даже больше того. Но ты не будешь решать дела государственной важности, раздвигая ноги.

На это ответить нечего, я выхожу из его кабинета, не зная, как буду объяснять Элизабет, почему ей придётся стать драконьей невестой и что на самом деле это означает.

Хочу признаться, я ужасный человек.

Потому что мне действительно стало легче, когда я поняла, что не должна буду брать все тягости королевского решения на себя. Уже второй час в спальне Элизабет сидит Флория, и именно королеве приходится выслушивать дикие вопли и разжёвывать принцессе термин «долг», который она якобы должна была знать с рождения, по мнению Луи-Филиппа.

Но ей внушали, что она обязана стать прилежной женой и матерью, а не кормом для чудовища!

Разница, по-моему, существенная.

Король, скорее всего, понимал, что у дочери будет за реакция, а потому решил взять её шокком, и провести по городу жертвенную овечку, пока та не опомнилась и не стала верещать из кареты раненым зверем.

Всё это время я сидела на лавке в коридоре с остальными фрейлинами и успокаивала уже их.

Мне хотелось бы что-нибудь придумать, чтобы спасти Элизабет, предложить ей помочь сбежать... Но я думаю, её намеренно больше не оставят одну до самого конца.

— А что будет с нами? — один и тот же вопрос на разные лады и голоса всплывает всё это время.

Я выдыхаю в очередной раз и пытаюсь подобрать новую формулировку, чтобы сказать:

— То же самое, что было бы, выйди принцесса замуж. Она ведь и выходит. Её увезут, как драконью невесту, это такой обряд, — так говорю, будто они не знают, но иногда становится не так страшно, если озвучивать элементарные вещи. — Кто-то выйдет после всеобщего траура замуж за того, кому обещана. Кто-то только подберёт себе мужа за это время и — туда же. Кто-то станет фрейлиной королевы. Повышение, так сказать.

Последний, наверное, мой случай. Иначе не знаю, на каких основаниях меня ещё здесь держать. Разве что сделать настоящей служанкой.

Я была бы не против, если бы при этом не пришлось спать с королём.

Или всё же сбежать?

Но теперь меня держит намерение незнакомца встретиться ещё раз в полную луну. Знаю, что это глупо, но он обещал ответы на вопросы, вполне возможно, что он мой земляк и знает что-то о принце или замыслах похоронного бюро.

— Варечка, что ты задумалась? Думаешь, плохи наши дела?

— А? — я разгоняю туман мыслей и качаю головой. — Нет. Жаль Элизабет, бедняжка.

— А дракон обязательно её... Убьёт?

Сдерживаю усмешку. А что они думают, он с ней ещё делать-то будет?

Чудовища ни на что больше не способны.

— Я не знаю, — говорю чистую правду, потому что точно не уверен никто, но отношение у меня к этому предпринятию скептическое.

— Может быть, — звучит мечтательное, — она растопит его сердце... Элизабет принцесса, нежная и милая, как можно такую обижать?

Уверена, что другие девушки тоже были нечего. Но вслух свои мысли не озвучиваю.
Худшее, что сейчас можно делать — это нагнетать.

Наконец, Флория выходит из покоев принцессы. Она останавливается и сверлит меня холодным взглядом. Я отвечаю ей невозмутимостью, ведь пока что ни в чём перед ней не провинились.

Интересно, жаль ли ей падчерицу? И что она думает о короле? Хотя бы попыталась его отговорить?

Или была рада?

Дочь-то ни её — как ни крути.

— Помогите принцессе собрать приданное в сундуки и укажите на них рыцарям, когда всё будет готово.

Вот она — надежда! Неужели Элизабет оставят наедине с нами? Тогда у меня будет шанс помочь ей хоть как-нибудь.

В моей голове уже вовсю начинают крутиться планы побега, но вот принцесса выходит из комнаты и идёт вслед за Флорией, словно на казнь, не бросив на нас ни единого взгляда.

Я остаюсь сидеть, не в силах подняться с места и приняться за дела.

Да, Элизабет не стала мне ни сестрой, ни верной подругой, мы слишком разные.

Но с её уходом, таким тихим, будто бы она уже умерла, я чувствую, как окончательно рушится мой мир.

В это мгновение я собственноручно готова убить дракона.

Почему же рыцари могут грабить соседей, но не способны защитить молодых дев собственного королевства?

— Нам даже не дадут попрощаться? — всхлипывает одна из фрейлин, прекрасная Офелия, самая молодая из нас, хотя номинально сегодня её совершеннолетие.

Как и у каждой фрейлины.

День рождения принцессы.

По всему королевству уже несколько раз протрубили о том, что намечается прощание с принцессой. Это всё подаётся как благородный поступок короля, который будет сотни лет вплетаться в легенды. Не знаю, действительно ли всё будет именно так, но жертва принцессой станет хитом у бардов среди тем этого сезона. Я полагаю, уже к вечеру появится несколько свежих песен, и нам здесь придётся слышать их по несколько раз в день.

Уже представляю, как мотив заедает у невинной Офелии, и она напивает его в саду, а когда понимает, о чём именно песня, охает и краснеет.

Мне всё это время не давали продукту, нужно было много всего организовывать вместе с остальными. Хотелось что-нибудь выкинуть каждые полчаса, но я не собиралась подводить других фрейлин.

Все мысли заняты судьбой Элизабет, даже боль глохнет под их гнётом.

И приглашение королевы в свои покои не волнует сердце.

Наверняка она собирается сообщить мне, что я стану её слугой, и мы как-то теперь должны уживаться под одной крышей.

Под одним мужчиной...

Сегодня яд с меня можно сцезивать, словно с кома гремучих змей.

Не собираюсь себя одёргивать.

Я захожу в её покои, она на удивление сидит в кресле у окна в одиночестве.

— Закрой за собой дверь да поплотнее, — не просит, но приказывает, скорее всего, потому что иначе просто ни с кем не разговаривает.

В отличие от Элизабет, с ней я всё время забывала, что она моя госпожа, а не бестолковая младшая сестра или вроде того.

Это мне нравится, я люблю, когда всё на своих местах. Может быть, мы найдём общий язык, и мне удастся убедить её, что я не жажду внимания собственного врага. Увольте.

Закрываю дверь, подхожу к ней и кланяюсь в допустимых пределах. Не знаю, откуда во мне гордость, почему нет в характере места подобию страсти... Но вежливость я одобряю и глубоко уважаю при любом раскладе.

Она рассматривает меня с любопытством, будто очень рада подвернувшийся возможности.

Мне ничего не остаётся, кроме как глазеть в ответ.

Королева не первая красавица, внешность слишком грубая, но благородная. Корона ей более чем подходит, и носит она её с достоинством. Пусть Флории уже не скрыть сеточку ранних морщинок у глаз и рта, она будет стареть красиво. Голубоглазая, высокая блондинка с пронзительным, умным взглядом. Я узнала бы её и через тридцать лет и не ужаснулась бы. А вот какой сама буду в старости, даже не знаю. Возможно, уже в пятьдесят стану сухонькой старушенцией с длинными седыми космами, из-за которых меня станут кликать ведьмой.

Молодость — валюта ненадёжная.

Нам ни к чему ссориться, почему она этого не понимает?

— Через полчаса Элизабет отправится в путь, она с достоинством приняла такую... честь.

Я киваю, не зная, что на это ответить. Спорить не хочется, смысла в этом мало настолько, насколько мало моих сил.

— Теперь твоё положение в замке изменилось, надеюсь, ты понимаешь это? — голос её становится требовательней.

Я снова киваю. И предполагаю едва ли не с надеждой:

— Хотите, чтобы я стала служанкой? Ведь для меня нет подходящей партии, я девушка вовсе не голубых кровей.

— Я это прекрасно знаю, — Флория поднимается, обходит меня кругом и касается волос, неприятно оттягивая льняные прядки.

— Можешь распустить их? Хочу взглянуть на тебя во всей красе.

Выполняю просьбу и слегка вздрагиваю, когда королева кладёт прохладные ладони на мои плечи и подводит к зеркалу в полный рост.

— Ты точно не фея? — усмехается она.

Я совершенно не понимаю, откуда пошла эта кличка, но что есть, то есть.

— Простая смертная, Ваша Светлость.

— Всё время приbedняешься. Чего только этим добиваешься?

Отвечаю, не сводя взгляда с собственного отражения.

— Я говорю правду. Я знаю, вы видите во мне угрозу, но я не хочу иметь ничего общего с вашим мужем. Он сказал, что не собирается... заставлять меня. Вам не стоит беспокоиться об этом. Я даже... могла бы служить вам верой и правдой. Вы дочь Севера, ваш народ я уважаю всем сердцем. Это не ваши люди разграбили моё селение, не они убивали детей и женщин, беззащитных, не ожидавших удара... Я знаю, у вас доброе сердце, и мужа выбирали не вы...

— Замолчи, — обрывает она меня. И вдруг заходится леденящим душу смехом. Думает, я издеваюсь? Или притворяюсь? Что ж, после того как она своими глазами видела, как Филипп зажимал меня в коридоре, я не завоюю её доверие за один день. — Ты видела лишь один эпизод войны и так сильно впечатлилась? Все эти пять лет с тобой обращались, как с настоящей принцессой без какой-либо на то причины. Слышала ты что-нибудь о благодарности, маленькая дрянь?

Я наблюдаю, как медленно бледнею, странное ощущение.

— Не понимаю, — отвечаю полушёпотом, потому что на большее меня не хватает. — Я не просила мягкую постель и королевские ужины. Мне никогда не нужна была эта роскошь.

Я мечтала эти годы о доме, которого больше не существует. И почему же я должна быть благодарна?

— Какая ты злопамятная! Опасно, опасно со стороны Луи пригревать на шее змею.

Не удерживаю на пунцовых губах усмешку.

Что же... С этим трудно спорить...

Всё-таки несколько лет я жила ещё и мыслью об убийстве.

Флория отходит, достаёт что-то из комода и возвращается. К моему удивлению, она водружает на мою голову диадему принцессы, украшенную драгоценными камнями.

— Тебе очень идёт.

Я замираю, не совсем понимая, что происходит.

Затем вспоминаю слова незнакомца о слухах, что бродят в городе. И странную фразу короля о «хочу тебя и даже больше».

И фыркаю.

— Ваша Светлость, при всём желании, даже если бы я бегала к королю три раза на дню, я никогда не заняла бы ваше место.

Королева молчит, а затем легко, слишком легко соглашается.

— Конечно.

И накидывает на мою шею верёвку.

Я думала о женском оружии — яде, поэтому ни под каким предлогом не согласилась бы на чашку чая, но королева поступила... изящнее.

Удавка затягивается, мне нечем дышать, я дёргаюсь что есть силы, но лишь стремительнее теряю сознание.

ГЛАВА 3. Город Мёртвых

ГЛАВА 3. Город Мёртвых

Под аккомпанемент тряски мне смутно видится, как бледная Элизабет провожает взглядом родной замок, как машет заполонившему улицы народу белым платком в знак своей невинности, покорности, жертвенности.

Как всё ещё не понимает, что творится и не до конца верит в происходящее. Хлопает своими длинными ресницами и сдерживает слёзы, потому что так приказал король.

Сердце сжимается, на очередной кочке я чувствую вспышку боли и медленно прихожу в себя. Не понимаю, где я. Не сразу вспоминаю, почему вообще задаюсь таким вопросом.

Помню разговор с Филиппом и то, как легко он пристыдил меня. Помню, как перебирала вещи Элизабет, едва не плача. Как говорила с королевой...

А затем была удавка.

Закашливаюсь, горло саднит. Соображаю, что я на улице, больше не трясёт, рядом слышится ржание коней.

Медленно открываю глаза и обнаруживаю себя привязанной поперёк седла, словно мешок с картошкой. Морщусь от чувства, будто меня порезали на мелкие кусочки, закинули в ящик и хорошенько растрясли.

И всё же мне повезло больше, чем рыцарям короля, сопровождающим карету с принцессой. Я только сейчас замечаю грудой сложенные тела и хныканье где-то позади.

— Элизабет, — хриплю, прокашлявшись, каждое слово дерёт горло изнутри, дико хочется пить, — ты здесь? Что случилось?

Я пытаюсь змеей выползти из пут, но ничего не выходит. Позади раздаются шаги, и в таком положении они напрягают на два порядка сильнее, чем когда я сидела на крыше замка.

Не понимаю. Я ожидала, что Флория изуродует меня (на самом деле, ожидала уже много лет, не дура ведь), что убьёт или продаст в какие-нибудь далёкие страны, как диковинку, чтобы на эти деньги заказать себе у мастера новое кольцо. Время выбрала удачное, Луи-Филипп сегодня был совершенно не расположен ко мне, видимо, в королевстве действительно дела идут не слишком хорошо. А в итоге я в лесу, у горы трупов и... кто-то развязывает меня.

Едва не сваливаюсь с коня, но сильные руки приходят на помощь и здесь. Меня, случайно или специально проведя ладонью по груди и другим прелестям женского тела, ставят на землю. И я с трудом сдерживаю позыв опорожнить желудок. Вышло бы очень некрасиво, но точно бы полегчало.

Терплю несколько мгновений, глубоко дышу и только после этого оборачиваюсь.

— Эдвард?! — узнаю жгучего брюнета, любовника принцессы сразу же.

Он одет так, будто охотился неподалёку, я не могу сдержать улыбку и едва ли не бросаюсь к нему на шею. Неужели повезло?.. Боги, надеюсь, что...

Вздыхаю и отшатываюсь. Не повезло. Это становится ясно, когда из тени выходят люди, совершенно непохожие на рыцарей. Какие-то наёмники. И Эдвард вместе с ними.

Я вздрагиваю, когда слышу дрожащий голос Элизабет, которая зовёт своего друга. Он спешит к ней, я перевожу взгляд на наёмников и иду за Эдвардом. Мне не препятствуют.

Принцесса утирает слёзы в карете.

— Ужасно, — всхлипывает она, — зачем вы всех убили у меня на глазах?

— Я ведь просил не смотреть, — напоминает Эдвард.

— Да, но... — она переводит взгляд на меня и тут же его отводит. — Прости, ладно? — выдавливая из себя с трудом и начиная частить. — Флория сказала, что меня дракон точно съест, а тебя — может, и нет.

А.

Я ничего не отвечаю, после удушения и весёлой поездочки медленно соображая.

— У меня не было выбора. Она такая добрая, представляешь? Пожалела меня, всё устроила, наняла людей, позвала Эдварда. Мы с ним уедем на Север и там поженимся. Она сказала, что всё устроит. Представляешь?

Принцесса с таким воодушевлением рассказывает мне, словно я всё ещё её фрейлина и стану радоваться и хвалить королеву.

Но если это правда — я уважаю Флорию.

Она сильно рискует.

Надеюсь, из-за любви к Элизабет, а не ненависти ко мне.

— А ты ведь... Ты, может, и выживешь. Правда, я верю в это.

— Почему же? — мне действительно интересно.

Элизабет мнётся, но всё же тараторит:

— Ну, ты ведь такая красивая. Сразу видно, что принцесса. В смысле дракон скорее поверит, что ты принцесса, чем я. И ты особенная, всех с ума сводишь и будто не понимаешь этого! Папочка, такой безразличный, он стал проводить со мной больше времени, когда появилась ты. Он любит тебя. Тебя бы он никогда не отдал, — у меня замирает сердце оттого, с какой уверенностью и простотой Элизабет это говорит, даже без обиды, просто как факт. У меня слёзы на глазах наворачиваются, а в горле застревает прогорклый ком. — Может, дракон тоже сойдёт с ума? Может, ты спасёшь королевство? Я знаю, что ты не любишь нас, но ведь... Ведь ты добрая, Варечка.

У меня дёргается угол губ.

Я просто... не могу на неё злиться. Совсем.

Кидаюсь в карету, принцесса вскрикивает, Эдвард наверняка напрягается, но я лишь делаю то, чего обычно избегаю — крепко обнимаю её и целую в высокий лоб.

— Хорошо, фрейлина должна защищать свою госпожу. Меня только... Я ведь согласилась бы, если бы знала, что такое возможно повернуть...

— Прости-прости, Флория запретила говорить с тобой.

Я набираю в грудь побольше воздуха и выдыхаю.

Эдвард открывает один из сундуков с приданым и забирает украшения.

— Королева дала нам достаточно золота, — замечает Элизабет.

— Это на всякий случай, твоей фрейлине украшение всё равно ни к чему. Уже.

Он не разделяет оптимизма принцессы, что же, здравая позиция, но я сделаю всё, что от меня зависит, чтобы...

— Правильно, зачем мне жемчуга, если я собираюсь убить дракона.

Элизабет сначала пугается, затем на её лице виднеется отпечаток восхищения. Я не выдерживаю и добавляю:

— А затем вернусь в замок и убью твоего отца.

Она тут же сникает.

— Надеюсь, у тебя не получится. Второе.

Я лишь киваю в ответ.

Эдвард уводит её. Она до последнего не отводит от меня взгляд.

Их путь лежит в другую сторону, и он гораздо более продолжительный. Мне же ехать меньше недели. Не верится, что логово дракона так близко.

Наёмники оказываются людьми суеверными и не поддерживают мой план.

— Ты — его невеста и должна ему понравиться. Умаслить его.

— Так вы мне оружие дадите или как вообще?

— Ты не должна его злить, хочешь подвести всё королевство?

— Вообще-то это вы отпустили настоящую принцессу.

— Она права, ты на неё больше похожа!

— Нет, ну вы вообще себя слышите? Если я смогу его убить, то всё королевство будет гораздо счастливее, чем если будет знать, что я ему улыбаюсь и соблазняю его!

Они переглядываются и ржут, как кони.

— Ты не сможешь, просто расслабься и дай себя связать!

— А это обязательно?

— Ещё сбежишь! Что нам тогда, самим к нему идти? Назовёшь кого-то из нас смазливый?

— Странно, что тебя смущает только это.

— Не будем рисковать.

Не так я себе представляла наёмников, но даже к лучшему, что они действительно относятся ко мне, как к драконьей невесте и шансу на спасение королевства. Поэтому даже не пытаются приставать, только языком чешут. А к этому мне не привыкать.

Поверить не могу, что я действительно удаляюсь с каждой минутой всё дальше от замка.

И что меня сейчас волнует даже не дракон, а незнакомец, который не обнаружит меня в полнолуние там, где ожидает увидеть.

Раннее утро, я трясусь от пробирающего до костей холода. К полудню буду изнывать от жары, жду этого момента с нетерпением. Зубы стучат, спать по ночам удаётся лишь урывками, я связана в неудобном положении, плед давно сполз под ноги. Мне даже в туалет дают сходить под присмотром не меньше троих человек и кормят с ложки настолько дрянной едой, насколько сильно я бываю в этом путешествии голодна. Но это можно перетерпеть, я не лгала, когда говорила, что не привязана к роскоши. Пусть и ещё более хрупкая, чем даже кажусь со стороны.

Страшнее другое. Моя рана успела загноиться. Ничего удивительного — здесь не так много возможностей адекватно её обрабатывать и перевязывать. Наёмники не обращали на меня внимания, пока я не стала сгорать на глазах, словно свечка.

Меня бросает то в жар, то в холод, голова кружится, нападает вяжущее состояние, когда мысли бродят сами по себе, и я не могу уловить суть ни одной из них. Говорят, я бредила половину ночи каким-то принцем.

Теперь они останавливаются каждые полчаса, чтобы проверить меня, и кланут рану, которая казалась им поначалу царапиной, не стоящей внимания.

Я вижу страх в их глазах. Мы уже подъезжаем к Городу Мёртвых, находится здесь опасно не только из-за дракона, но и из-за тварей — порождений тёмной магии. Они сомневаются, стоит ли вообще проделывать этот путь, если в итоге привезут Эларису не невесту, а её холодный труп. Причём страхи наёмников связаны не только с опасением за собственную шкуру, но и с тем, что станет с королевством в случае их провала.

Я слабо улыбаюсь. Об убийстве дракона, конечно, речи больше не идёт, но можно ведь попытаться приложить силы, чтобы дожить до прибытия в его логово.

— Выдержу, — шепчу с трудом. — Давайте... быстрее. Когда мы... будем там?

— Если верить карте, уже через несколько часов, — отвечает темноволосый высокий мужчина, напоминающий мне пирата, почему-то.

Я киваю.

— Так чего вы ждёте?

— Тогда выходи.

— Что?

— Это последний привал. Мы у озера. Тебе нужно привести себя в порядок и переодеться в белое платье. В Городе Мёртвых связанной держать тебя смысла нет, — говорит так, будто в любом другом случае он есть, особенно сейчас, когда я едва не плачу оттого, что мне нужно куда-то идти, — потому что и удирасть там — плохая идея. Твари почуют кровь и сбегутся на тебя, как на праздничный торт.

— Вы понимаете, что я не собиралась сбежать ещё у столицы?

— Я понимаю, что ты женщина, и верить тебе нельзя.

Я морщусь, словно меня только что ударили по лицу. Но спорить бессмысленно, как и напоминать, что именно хрупкие девушки спасают королевство от гнева дракона.

Можно было бы проявить и побольше уважения.

Верёвки развязывают. С трудом выбираюсь из кареты, делаю два шага и падаю на острую синеватую траву. Голова кружится и тошнит. Вряд ли я когда-нибудь выглядела хуже, чем сейчас. Вот вам и принцесса для дракона.

Я даже не порываюсь делать что-то с даром, хотя он, должно быть, моя последняя надежда. Сил на это просто нет.

Пират, буду звать его так, подхватывает меня на руки с тяжёлым вздохом и несёт к воде.

— Не доедешь ты, — заявляет он.

Я даже головой не могут помотать в ответ — это слишком неприятно.

— Не нужно, — шепчу, — раньше времени меня хоронить...

Он усаживает меня на берег возле камышей и задирает юбку платья. Я вздрагиваю, но и только. Тёплые руки проходятся по бедру, подцепляют повязку, пропитанную кровью и гноем и осторожно её снимают. Мне слишком страшно смотреть на рану, поэтому предпочитаю дать отдых глазам и перевожу взгляд на полупрозрачные озёрные воды.

— Жаль мне тебя, — бросает тихо, а я слишком занята тем, что стараюсь не закричать от боли, когда рану промывают и перевязывают снова. Поверх чистых лоскутов он ещё и натягивает что-то странное, кожаное, плотно сдавливающее рану так, что хочется выть. Видимо, чтобы вода ничего не намочила. — Такая молодая и красивая.

— Все так говорят... — шепчу я. — Будто иначе жаль бы не было.

— Думаю, — продолжает Пират, — может, плюнуть на дракона и повернуть вместе с тобой назад? В столице есть шанс, что тебя поставят на ноги. Будешь моей. А Эларис всё равно будет недоволен. Я уверен.

Поднимаю на него взгляд. Брюнет, длинные волосы, зелёные глаза, шрамы, грубые черты лица. Но в целом не урод.

— Чего захотел... — усмехаюсь. — Замахнулся на любовницу самого короля, на невесту дракона...

Он снимает с меня дорожное платье и отбрасывает в сторону, я даже не пытаюсь прикрыться. Чувствую на себе взгляды остальных. Плевать.

— Про короля не знал... А невест таких у Элариса знаешь сколько в месяц? Ничего страшного, если умыкнуть одну — никто и не заметит.

Глупая мысль прокатывается рядом со мной, словно чья-то отрубленная голова по площади: а ведь меня ещё и сам принц Лунард замуж позвал когда-то в прошлой жизни...

— Не говори глупостей, я выживу, довезёте меня — на милость дракона всё равно будет больше шансов, чем если он не получит вообще никакой принцессы.

Пират качает головой, но не спорит.

— Как знаешь, — голос у него поменялся, словно я умудрилась его задеть, — хватит глазеть, жарьте еду на костре, в Городе Мёртвых огонь разжигать нельзя!

Наёмники с трудом отрываются от вида обнажённой, болезненно-слабой фрейлины. Мерзость.

Я медленно подбираюсь к воде и принимаюсь ополаскивать тело и волосы. На виду у наёмников, но на достаточном расстоянии, чтобы позволить себе слёзы и всхлипывания.

Я противная, словно поганка в лесу, которую инстинктивно хочется раздавить сапогом.

Каковы шансы, что дракон этого не заметит?

Вода холодная, но это даже к лучшему, учитывая, что всё тело горит адским огнём. Спустя несколько минут я уже яснее мыслю, спадает жар. Хороший момент, чтобы попытаться

запихнуть в себя несколько ложек каши. Мне нужны силы, уже сама не знаю на что. Чтобы хотя бы стоять на ногах. Об оружии по-прежнему не идёт и речи, никто из наёмников не собирается жертвовать даже маленьким кинжалом.

Жаль я под стать южным красавицам никогда не носила отравленные шпильки в волосах. В полотне льняных прядей редко когда бывает что-то тяжелее цветов.

Кстати о них, я замечаю кусты фиолетовых соцветий рядом с каретой. Нужно будет о них не забыть.

Когда уже начинаю дрожать от холода, Пират закутывает меня в простыню из сундука с приданым и доносит до кареты. Там я с большим трудом одеваюсь, а после прошу его выжать всё воду из тяжёлых волос. Он этого делает, пока остальные обмениваются шутками по этому поводу. Но мне особо не до смеха, нужна хорошая физическая форма, чтобы ухаживать за такими волосами и не тратить на это полдня. А мы спешим, всё-таки, невесту желательно доставить дракону до её умирания.

Я делаю несколько глотков воды, впихиваю в себя восемь ложек каши на мясном бульоне, прошу Пирата сорвать три ветки с фиолетовыми цветами, и мы отправляемся в путь.

Город Мёртвых когда-то был одним из красивейших городов королевства Луи-Филиппа, да и всего Запада в целом. Культурная столица, можно сказать. Он был построен вокруг горной цепи и был разделён ею на две части.

В одной из высоких, скалистых гор было возведено самое невероятное из сооружений человеческих рук. — чёрный каменный замок. Он был частью скалы и его потайные ходы были глубоко в ней. Так что можно было без проблем тайно появляться в обеих частях города. А ещё легенды ходили про драгоценные руды и тайники с несметными богатствами. Как такое могло не привлечь дракона?

Эларис появился неожиданно и за неделю превратил город в руины, а сам обосновался в каменном замке. Долгое время его пытались уничтожить, но ничего путного из этого не выходило, его считали неуязвимым, а потому пошли на уступки. Город Мёртвых стал его территорией, центром притяжения для тёмной магии, и в знак согласия с этим каждый город, каждое мало-мальски заметное селение должно было отдавать девушек ежегодно или даже ежемесячно.

Я выглядываю из оконца кареты, словно Элизабет, не в силах унять любопытство, хоть знаю, что ничего хорошего не увижу.

По земле стелется туман, повсюду разрушенные здания, обломки валяются на дорогах и чем дальше в город, тем меньше растительности. Трава всё редет и редет, живых деревьев вообще нет, лишь изредка разбросаны те самые кустарники с фиолетовыми цветами. Я таких раньше нигде не видела, наёмники говорят, что соцветия отгоняют светлую магию. Но мне до неё — как до луны, зато есть шанс, что дракону будет приятнее...

По дороге вплетаю цветы в высохшие волосы, дрожащими пальцами плету тугие косы. Стараюсь отвлечься от боли и оставаться в сознании.

И этому вполне себе способствует внезапный вой и стая громадных волков впереди. В тумане мерцают их глаза, я прикрываю рот рукой, чтобы не закричать. Кони волнуются, их гонят быстрее. Ржание мешается с выкриками мужчин.

Я надеюсь, что у них есть план, потому что то, что дорога тихой не будет, было не так уж и сложно предугадать.

И действительно — наёмники выпускают впереди себя... трёх ягнят из мешков, которые я за своим состоянием даже не заметила. Они бегут куда резвее, чем можно было от них ожидать, и отвлекают на себя внимание волков.

Не всех, с некоторыми приходится разделаться с помощью меча. Сердце замирает, когда слышу протяжный вой и скулёр.

Но понимаю, что нам ещё повезло, это хоть и клыкастые, но животные, а не магические твари. Полагаю, дело во времени суток, и если сюда ещё можно соваться утром и днём — вечером и ночью не вариант.

— Ты в порядке? — до меня будто с задержкой доносится голос Пирата.

Я в ответ могу только приподнять бровь. Что со мной может случиться, помимо лихорадки? Это не я только что пронзила череп волка мечом! И не в мою руку вцепились клыки другого.

— Замок уже совсем близко, ты выглядишь... получше.

Усмехаюсь.

— Хорошо. Вы должны успеть вернуться до заката.

— Соображаешь, — в его голосе слышится улыбка. — Но разве любовнице короля переживать за обычных наёмников? Ты даже моего имени не знаешь.

Мне трудно говорить, на это уходит слишком много сил. Но он, возможно, последний человек, с которым вообще доведётся.

— Про себя я зову тебя Пиратом.

Это вызывает смех у всей шайки-лейки, мой сопровождающий качает головой, насколько я могу видеть из окна.

— Море видел только пару раз. А ты такая гордая, что даёшь окружающим клички, чтобы не заморачиваться?

— Я не... гордая. Как тебя зовут?

— Джон.

С губ слетает смешок. Хорошо что не вместе с кровью.

— Совершенно посредственное имя, Джон.

— Варя — лучше?

— Варрияра я.

Он замолкает и отъезжает от кареты. Правильно, лучше быть сосредоточенным на дороге. Я устраиваюсь удобнее и прикрываю глаза.

Рана пульсирует. Хочется пить, но я не уверена, что у меня будет возможность сходить в туалет, если захочу.

Просто терплю, вспоминая взгляд Филиппа, когда попыталась отговорить его от убийства дочери.

Интересно, бьёт ли он королеву?

Или оплеухи достаются лишь фрейлинам?

Флория была права, я слишком злопамятна, возможно, и Джон прав, что ещё и слишком горда.

Уже без разницы.

Не знаю точно, сколько проходит времени, но мы добираемся до чёрного каменного замка.

Тот, в котором я жила все пять лет, королевский, между прочим, по сравнению с этой машиной просто запасная резиденция.

Карета останавливается возле открытых железных ворот, выглядящих так, будто в любой момент они могут рухнуть и раздавить толпу одним махом. Здесь меня и оставляют, ехать дальше смысла нет. Наёмники уже могли бы ускакать, но Джон дарит мне долгий, прощальный взгляд.

— Хочется тебя поцеловать, — заявляет он.

— Побойся богов, — шепчу я, — ты ничем не заслужил мой первый поцелуй.

Хотя мог бы и вырвать его, но вместо этого лишь поднимает брови, ещё стоит рядом несколько секунд и всё же разворачивает коня, чтобы отправиться в обратный путь вместе с остальным дурачьем.

Над ними пролетает ворон с громким карканьем.

Надеюсь, это не дурной знак.

Здесь холодно, небо заволочено тучами, хотя ещё в начале Города Мёртвых ничто не намекало на такую погоду. Я судорожно соображаю, что делать дальше. Дракон не спешит встречать свою невесту, сидеть здесь и ждать или пытаться доковылять до замка?

Как всё непонятно, неорганизованно, хоть бы кто сказал, куда тут «невестам» идти...

Меня это раздражает ещё больше, чем накатывающая временами тошнота. Выхожу из кареты с трудом, замечая, что у меня осталась одна лишняя, должно быть, лошадь. Она фырчит, а я ей слабо улыбаюсь:

— Нас с тобой тут сожрут.

Ржание — лучший ответ.

Держусь за сердце, едва не падаю, как вдруг замечаю на ступеньке кареты кинжал. Он совсем небольшой, хоть и видно, что острый. Теперь понимаю, почему все так скептически отнеслись к просьбе оставить оружие — с таким смешно ни то что на дракона бросаться, даже на кролика. А на что-то посерьёзнее у меня и сил не хватит.

Но Джон всё равно пошёл у меня на поводу. И на том спасибо.

Дрожащими руками открываю один из сундуков и нахожу среди вороха платьев ту самую диадему, которую позволила мне примерить Флория — назовём это так.

Может быть, она и вправду думала, что у меня есть шанс «сразить» дракона, иначе не вижу смысла избавляться от драгоценностей и одежды.

Я закрепляю диадему на волосах, поправляю полотно льняных прядей и кос, проверяю, не завяли ли цветы — на удивление, нет. Выдыхаю, вцепившись в кинжал влажными пальцами, и делаю шаг вперёд. Нет смысла трястись в карете и ждать, пока чудище соблаговолит пожаловать за своим ужином. Может быть, он вообще ещё вчера подавился одной из девушек и теперь лежит где-нибудь окаменевшим трупом.

Я бы глазом не моргнула, сказала бы, что сама его убила, честное слово! Стала бы героиней ненавистой мне страны...

Двор за воротами перед входом в замок полон костей, я опускаю глаза, чтобы не рухнуть в обморок прямо здесь.

В самом замке холодно и темно, не видно ни зги, смысла блуждать там не вижу.

— Эй, — хочется крикнуть, но выходит лишь немного громче шёпота. — Дракон, где ты? Я приехала!

Откуда-то сверху доносится... рёв. И валятся камни. Земля подрагивает, я больше не могу стоять и сажусь на крыльцо, привалившись к чёрной стене. Громадный ящер где-то наверху, теперь он знает, что я здесь, так что думаю, любые телодвижения бессмысленны. Ему всяко будет проще добраться до меня, чем мне до него.

Я слышала, Эларис огромен, и от жара его тела плавится воздух.

Честно говоря, не знаю, что неприятнее — сгореть заживо или быть пережёванной и проглоченной.

Малодушничая, когда слышу, как содрогается воздух от взмахов огромных кожаных крыльев. Хочу потерять сознание. Дракон слетает со скалы и... уносится вдаль.

— Эй, — будто со стороны слышу, как с губ срывается недоумённый возглас.

Сердце колотится в груди, словно бешеное. Он гораздо больше, чем я себе представляла. Теперь понимаю лучше, почему никому не удалось его одолеть.

Крепче стискиваю рукоять кинжала. Смешно. Вряд ли я им смогу подцепить хотя бы одну чешуйку. Какое там защитить себя. Какое там убить.

Через несколько секунд со стороны Города Мёртвых доносится грохот и поднимается дым. Он то приближается, то смещается, я не понимаю ничего, лишь слабею и в конце концов даю тяжёлым векам опуститься.

И всё-таки... Не отпускает меня дурная мысль — что такого важного дракон нашёл среди руин, что решил пренебречь перекусом в виде самой принцессы?

Пусть я и не она, но это ни в какие ворота не лезет!

Первая мысль странная. О том, что пахнет вечером и дымом. Я с трудом разлепляю глаза. Рядом валяются старые кости, сама я лежу на земле под открытым небом, хотя прекрасно помню, как скрючилась на крыльце у входа в замок. Тогда гранит холодил лопатки, а сейчас душно так, словно вокруг меня жгут погребальные костры. Я пытаюсь приподняться на локтях и замираю почти мгновенно.

На меня в упор уставились два дымных, ярких глаза дракона. Я представляла, что они жёлтые, как раскалённое золото или зелёные, словно магия, но радужки чудовища серебряные.

Если нужна аналогия — как моё кольцо на большом пальце ноги.

Огромная, чёрная гибкая тварь. Чешуя словно выкована из металла, но крылья кожаные. Выглядят они так внушительно, что если бы дракон расправил их, я бы тут же забыла, какого цвета небо. Даже своё имя забыла бы, хоть это к делу уже не относится.

И да, я вовсе не так его представляла. Думала, это что-то массивное, громоздкое, словно увеличенная в пятьдесят раз корова.

Но дракон больше похож на крылатую змею с цепкими когтистыми лапами и острой клыкастой мордой. Вполне возможно, ему пришлось бы перекусить среднестатистического рыцаря пополам, чтобы он уместился между клыков в два захода, но меня вполне себе можно попробовать прожить с первого раза.

Я очень надеюсь, что он дышит огнём и воспользуется этой способностью. Это всё-таки пугает меня немного меньше.

Облизываю сухие губы, дрожащей рукой поправляю диадему, скольжу взглядом по следу от когтей на ноге и всё же решаю представиться:

— Меня зовут Элизабет, и я принцесса, дочь Луи-Филиппа. Он отдал меня тебе в жёны. Прошу... принять эту честь.

Дракон щетинится и подступает ближе. На шаг. И уже нависает надо мной, распластанной на сухой, словно камень, земле.

Я вся дрожу и сквозь это всё же выцеживаю усмешку: права была, он всех невест без разбору жрёт, голодная тварина!

Тяжело сглатываю, веду рукой рядом, пытаюсь понять, где кинжал и — о боги! — нащупываю рукоятку. Морда чудовища приближается, я чувствую, как по лицу бежит пот — жарко так, словно лежу у раскалённой печи. А глаза-то такие... печальные, будто человеческие.

Просто иллюзия, эти твари не могут чувствовать, я уверена, они живут лишь инстинктами и какими-то текущими по венам древними сюжетами о невестах и сожжённых дотла городах.

А если и вправду когда-то были людьми, то уже давно выжили из ума. Иначе где баланс? За большой силой всегда следует высокая цена. Часто — непомерная.

Я всхлипываю и поднимаю руку, чтобы хотя бы попытаться воткнуть в морду дракона кинжал, но чёрный коготь пригвозждает запястье к земле.

— Будь ты проклят! — глаза тотчас наполняются слезами, мне... не хочется умирать. Пусть и была к этому готова, даже вспоминала слова дворцовых дурочек, романтизирующих весь этот кошмар, но радоваться по-настоящему тому, что оказалась права — слишком даже для меня. — Гори в аду и ты, и подобные тебе твари, и король и все его прихвостни!

В ответ дракон... Заставляет меня вздрогнуть от прикосновения тонкого, раздвоенного языка к щеке. Словно змеиного, но, конечно, гораздо больше и... страннее. Ещё одна такая выходка и моё сердце окончательно остановится. И это не метафора.

Он отстраняется, клацает пастью рядом с моей высоко вздымающейся грудью. Я реагирую более чем адекватно: издаю писк, словно полёвка в лапах кота. Только не дворцового и жирного, а дикого, здорового и чертовски... чертовски голодного.

Льётся кровь, снова льётся кровь, и я захлёбываюсь слезами уже от того, как страх мешает воспоминания в котле моего рассудка. На этот раз никакой принц меня не спасёт, и я не спасу никого тоже.

Это сказочка заканчивается здесь и сейчас.

Льётся кровь...

Льётся... сверху.

Из рваной раны на чешуйчатой шкуре дракона. Он заливает меня, уже через несколько мгновений я начинаю захлёбываться ею — горячей, жгучей и будто бы... живой.

Чувствую, как она, вязкая и густая, ползёт вниз по горлу и не могу даже кричать, лишь судорожно ловлю ртом воздух.

Который накаляется сильнее с каждой минутой. Мир вокруг кружится, всё сливается, я слышу какое-то шипение. Из него будто каплей чистой воды в лужу крови, падает одно единственное слово:

«Яра».

Затем вспышка колючей, но притупленной боли и чувство полёта, какое бывает иногда, если долго сидеть на крыше замка и смотреть на звёзды.

ГЛАВА 4. В логове чудовища

ГЛАВА 4. В логове чудовища

Мне кажется, что здесь слишком комфортно и светло для желудка дракона. Это если учитывать, что мои глаза всё ещё закрыты. Боюсь показывать, что очнулась, потому что чувствую на себе чей-то пристальный взгляд. Но и ждать неизвестно чего — невыносимо. Горло чешется, свербит изнутри, я с удовольствием прокашливаюсь и открываю глаза.

Боли больше нет. Я странно себя чувствую, но это не похоже на лихорадку.

Свет исходит от огнесветов — драгоценных кристаллов, светящихся разными оттенками синего. Они выложены будто мозаикой вместе с разноцветными камнями, которые не светятся, но разбавляют цветовую гамму красными, зелёными, оранжевыми и сиреневыми отблесками. Вижу пейзажи, дерево, чей-то дом, девушку... Но долго концентрировать на этом внимания не получается.

Я всё ещё чувствую на себе взгляд. Обернуться не решаюсь. Вместо этого зависаю, пытаюсь понять, откуда журчит вода. И замечаю в отдалении стену из неё, льющуюся от прорези сверху в прорезь внизу. Выгибаю бровь, выдыхаю и всё же поднимаюсь с валуна, что расположен, должно быть, в центре этой... пещеры?

Здесь немного душно и в то же время влажно. Огнесветы выложены лишь с одной стороны и дальше от них сгущается вязкая темнота. В которой я с трудом замечаю чей-то силуэт вместе с блеском глаз.

Вздрагиваю, не успеваю вымолвить и слова, как меня обрывает хриплый мужской голос:

— Доброй ночи, принцесса, — в нём тут же улавливаю усмешку, на которую сердце отзывается болезненным ударом. — Ты была так возмущена во сне, всё бормотала о пренебрежении и этикете. Прошу меня простить, — он делает шаг ко мне, но это не играет особой роли, — здесь впервые особа королевских кровей, я, конечно, польщён... Вот только меня забыли спросить, нужна ли мне визгливая девчонка, почему-то, с гниющей ногой.

Я догадываюсь проверить внутреннюю сторону бедра и отступаю ближе к огнесветам. Рана перевязана недавно и насколько я понимаю, она больше не гноится.

— Это несчастный случай в дороге, — заявляю я, помня, что должна «умасливать» чудовище.

— Разве? Ране уже несколько дней. Ты отправилась с ней в путь.

Я... просто не успела подготовиться. Вспоминаю, как меня против воли увезли в лес и поставили перед фактом, и передёргиваюсь. Эти люди ведь ещё и умудрялись надеяться на меня. Змеюку такую.

Сейчас больше волнует даже не утихнувшая лихорадка, а тот факт, что дракон... говорит со мной? Или, может быть, это слуга? Вдруг я что-то не так поняла?

— С кем я говорю? Я... я приехала к чуд... дракону!

Раздаётся смех, который я узнаю. Поджимаю пальцы ноги, чтобы почувствовать со мной ли кольцо, мотаю головой.

— Эларис?

Смех продолжается. Разве я сказала что-то смешное?

— Зачем было вылавливать меня тогда на крыше? Что ты собирался сказать? Почему только в следующую полную луну?

Он выходит из темноты окончательно — и я вскрикиваю и забираюсь в угол.

Всё тот же мужчина, которого я видела ночью. Тёмные волосы теперь стали гораздо короче, половину лица скрывает платок, глаза серебристые, лунные, такие светлые, что даже страшно. Ошмётки кожаного плаща, из которого торчит... драконье крыло.

Чёрное, огромное настолько, что я не понимаю, как он может волочить его за собой.

Я тяжело сглатываю. Страх за себя сменяется уколом... сочувствия?

Он выглядит измученным, бледным с синей сеткой вен под глазами. Несмотря на крыло... Передо мной человек. У меня в голове не укладывается, как этот мужчина может быть драконом, что уничтожил огромный город, и в лапах которого до сих пор пропадают сотни невинных девушек.

Взгляд у него жёсткий и требовательный.

— Ты соврала, Варрияра, ты вовсе не принцесса.

— Откуда всё же... знаешь моё имя?

— Я — дракон. И знаю многое. Не принимай, — ухмылка издевательская, — на свой счёт.

Он злится, у меня дёргается уголок губ.

— И всё же ты пришёл тогда и обещал вернуться! И всё же ты не убил меня сейчас и даже вылечил...

— Хотел убить, — в его голосе слышится рокот, дракон одаривает меня убийственным взглядом, — но смог сдержаться. Подумал, с тобой можно сделать что-нибудь поинтереснее... И насчёт полной луны — забудь.

— Почему?

— Знаешь, как в сказках сказывают? Если мужчина просит невесту не смотреть на него раньше времени, а она его слушивается, всё ломается.

— Я не понимаю.

Он ведёт шеей, она неприятно хрустит, я морщусь и пытаюсь объяснить:

— Я даже не знала, что ты — дракон. Предполагала, видела когти, но понятия не имела, что именно к тебе еду вместо принцессы!

— Я предпочёл бы Элизабет, — звучит так вкрадчиво, будто объясняет мелкой дурочке, что она ему не нравится, причём, таким тоном, будто у него этих дурочек по десять на дню, хотя о чём это я...

Дракон тянет меня на себя цепкими пальцами и накрывает кожаными крыльями, от которого всё ещё исходит жар, пусть и не такой, как днём. Он собирается что-то сказать, но я его обрываю вопросом:

— Тебе больно?

Он не сводит с меня серебристых глаз, в которых плещется тёмная магия, её ещё называют магией смерти.

Обратная сторона той, что обладали мои предки.

Мне хочется стянуть с него платок, касаюсь через плотную ткань щеки, но дракон отнимает руку, дотрагивается до прохладных пальцев своими горячими и жёсткими с такой осторожностью, будто опасается оцарапать когтями. Я не знаю что думать, сердце бьётся то ли от грубости его слов, рваного смеха и мучительно-тяжёлого взгляда, то ли от его тепла.

— Ты слишком красива, — заявляет он, — тебя слишком просто любить.

— Разве это нехорошо?

— Меня это отталкивает, с принцессой было бы... интереснее, — дракон целует меня в лоб и отпускает. — Раздевайся.

— Что?

— Прежде чем отправиться спать, разве не хочется освежиться? Я ведь не зря принёс тебя в купальню.

Оглядываю пещеру ещё раз. Купальня, значит, так это называется?

Отступаю на шаг, оголяю плечо и слышу усмешку. Приподнимаю бровь, перевожу на мужчину взгляд.

— Что-то не так?

— Собираешься раздеваться при мне?

— А есть какие-то варианты?

Он не отводит взгляда — и взгляд этот убийственный.

— Меня уже везли связанной несколько дней, едва не убили, заставили делать все... личные процедуры на глазах нескольких неотёсанных мужланов, я уже за всю жизнь наслушалась про себя такого, что мне абсолютно плевать, что про меня подумает чудовище из горы!

Меня крупно потряхивает, глаза от эмоций наполняются слезами, но перестать говорить не получается:

— Я даже не знаю, что будет дальше, что ты со мной сделаешь, как долго я проживу! У меня просто нет ни сил, ни желания стесняться!

Он будто бы совершенно меня не слышит. Отвечая так, словно намеренно желает оставить след от словесного удара.

— Как изменились нравы у современных девушек... Или же это дворцовая мода в свете? Вас с детства учат быть доступными?

Я... продолжаю раздеваться. Он стоит, и я вижу, что едва терпит дикую боль из-за крыла, белый как смерть и злой, как дьявол. Огнесветы переливаются лазурным, бирюзовым, синим, вода продолжает течь, хвосты жаркой тьмы сливаются в одно подрагивающее кубло. На моих обкусанных, алых губах играет насмешка.

— Мне противно от того, кто ты есть. И жаль, что я не знала об этом раньше, метила бы в глотку, поскольку, вижу, в человеческом обличье ты... уязвим.

— Что же сейчас не пытаешься убить? — ответ его сочится ядом, вижу, мы одной крови. — Вместо этого остаёшься не только без своего жалкого оружия, но и без одежды, голой во всех смыслах?

Платье летит на пол, обувь туда же. Как и дурацкая диадема. Волосы прикрывают грудь и спину.

Я дрожу, но не от холода. Выдавливая из себя очевидный ответ:

— Подвожу к подходящему моменту.

— Думаешь, он настанет?

Веду плечом. Понятия не имею. Но сложно представить, что найдётся мужчина, который может отказаться от... моего внимания.

Вода льётся прохладная, даже холодная, я прячусь за полупрозрачной стеной и смываю с лица пыль и кровь. Драконью кровь? Не из-за раны ли ему плохо? И для чего было вгрызаться в собственную плоть и отпаивать меня вязкой лимфой?

— Я вела бы себя иначе с тем, кому отдано моё сердце, — зачем-то роняю, но так тихо, что, возможно, за журчанием воды он ничего не разберёт. — Хотя он скорее всего давно мёртв. Может быть, я бы и вышла замуж за того, кого уважала бы — без любви. И была бы достойной женой и подругой, но какой смысл об этом думать? Я отдана на съедение твари, убийце, которому не знаю, как угодить, чтобы ненавистное мне королевство не постигла участь Города Мёртвых. Если есть какие-то предпочтения — просто говори прямо.

— Почему ненавистное королевство? — звучит его голос будто бы рядом, хотя дракон не сдвигается с места и даже не смотрит на меня.

— Я ведь не оттуда. Земли моего народа Луи-Филипп захватил пять лет назад. И все эти годы я не могу с этим смириться. Но тебе-то что до этого?

— И правду.

Он молчит какое-то время и когда у меня уже начинают стучать зубы от холода, отходит и растворяется во тьме.

— Здесь стоит сундук с твоей одеждой, — гроыхает его голос. — Приводи себя в порядок.

Я вздрагиваю. Он уходит.

Куда-то пропадает. Снова. Я горько усмехаюсь, растерянная и ослабленная. В темноте нахожу сундук с приданым и закутываюсь в вязаное розовое платье. Оно простое, домашнее, хоть и из дорогой покрашенной шерсти и с вышивкой в виде белых цветов. Не знаю, чего от меня ждут, поэтому выбираю самое удобное, что вообще есть.

Устраиваюсь на валуне и потихоньку выжимаю тяжёлые волосы.

Тяжело тянутся минуты. Пока нет дракона, я раздумываю, что делать дальше. Вряд ли он станет убивать меня сейчас, хотя понять ход чужих мыслей сложно. Как раздражает даже не догадываться, что здесь происходит!

А его всё нет...

Я брожу по пещере в поисках выхода, но каждый раз натыкаюсь на влажные каменные стены и в итоге снова прихожу к тому месту, где очнулась. Обнимаю себя за колени с осторожностью, потому что рана никуда не делась, рассматриваю выложенные из драгоценных камней неуклюжие фрески.

На одной из них белый дракон летает над городом, а в его лапах рыжеволосая девица. Волосы такие длинные, что могли бы зацепиться за ветки деревьев, лети крылатый чуть пониже.

Интересно, кто это выкладывал? Неужели сам Эларис? Иначе откуда взяться в чёрном замке драконьим мотивам? Вряд ли местные изначально знали, чем всё закончится...

Журчание воды убаюкивает меня, я устраиваю голову на колене и даю отдых глазам.

Вот только практически сразу же меня будит то ли рычание, то ли крик. Мужской. Слышится грохот, удар, снова выкрик — уже тише.

Я тут же подрываюсь с места. Что делать — понятия не имею. Но сидеть здесь дальше и ждать с моря погоды — невыносимо. До того я пыталась нащупать дверь, но может, где-то здесь есть люк? Снова вхожу во тьму с той стороны, откуда на меня спящую глядел дракон. Прощупываю каменный пол голыми ступнями и — о боги! — чувствую что-то вроде трещины. Присаживаюсь, перенося вес на здоровую ногу, подцепляю едва-едва заметную плиту пальцами и пытаюсь приподнять. С трудом, не с первого раза, но мне это удаётся.

В пещеру проникает мягкий свет от факелов внизу. Бешено колотится сердце: не знаю, что будет, если дракон заметит меня. Хотя он и не запрещал выбираться из «купальни». Сглатываю и высовываюсь, чтобы осмотреться. Немного задымлённый пустой коридор с такими же каменными стенами и полом, как и везде здесь. Вроде никого нет, но отголоски шума доносятся из темноты дальше.

Никакой лестницы нет, Эларис, видимо, просто спрыгнул, хотя и не знаю, как ему это удалось с огромным крылом вместо руки.

Если спрыгну я, то не смогу забраться назад. С другой стороны — зачем мне возвращаться? Сбегать я не собираюсь, но и строить из себя послушную девочку — тоже. Тем более, дракон так и не сказал толком, какой я должна быть, чтобы это его устраивало.

Собираюсь с силам и спрыгиваю. Приземляюсь на все четыре конечности, словно кошка, и едва не разбиваю лицо.

Рана даёт о себе знать тут же, но на фоне этой боли я не замечаю содранной кожи на ладонях и стопах. Поднимаюсь не сразу, а только после того, как собираюсь с силами и утираю слёзы.

— Фух, — до меня всё ещё доносятся хтонические отголоски, но больше идти некуда, и ядвигаюсь вперёд.

По тёмному коридору, то и дело чувствуя меловые капли, падающие с потолка.

Слышу тихие стоны мужчины. И мысли мечутся от непонятной жалости к нему до сожаления, что при мне нет никакого оружия, которым можно было бы добить чудовище, что так искусно умеет притворяться человеком.

Снова факелы, снова огромный люк, на этот раз открытый. Я с трудом запихиваю волосы под платье, чтобы они струились по спине и не свешивались вниз. Чувствую, что подо мной что-то происходит и не уверена, стоит ли так открыто подставлять себя под взгляд врага.

Наклоняюсь, присев у края, и замираю в страхе.

Дракон в человеческом обличье обнажён и окровавлен. Я не вижу его лица, он уткнулся им в гранитный пол, судорожно дышит, бледный как мел. Старается не издавать ни звука, но я чувствую, как немо и тяжело вибрирует горячий воздух. Моё горло сдавливает спазм боли, от чужих мучений тяжело дышать. Я не знаю, почему не злорадствую, возможно, потому что своими глазами не видела ни одной умерщвлённой души в его чёрных когтях. Он бьёт крылом, ломая его о стены, я вдавливаю костяшки пальцев в зубы, сдерживая крик. Крови много, но за ней можно заметить странные татуировки и шрамы, много шрамов.

Вспоминаю единственное место на бедре, по которому стабильно проходила лезвием пять лет подряд.

Ради магии.

Но Эларис ведь... дракон. Зачем ему? Или это сделали королевские рыцари? Но ведь с ним всё решают «дипломатически» уже не один год...

Пока я теряюсь в догадках, дракон издаёт тихий, но душераздирающий стон, и крыло его схлопывается. Брызги крови попадают на мою щёку, я не обращаю на это внимание, не в силах отвести от мужчины взгляда.

У него вывихнуто плечо, вновь обрётённая рука падает на пол, будто лишённая силы. Дракон рычит и выдыхает горячий воздух, словно где-то в груди его даже сейчас горит пламя. Или зажглось оно из-за такого дикого количества боли. Он переворачивается на спину и... мажет по мне ледяным взглядом светлых глаз.

Я охаю и отшатываюсь подальше от открытого люка.

Была возможность рассмотреть лицо, но я не успела.

Поднимаюсь на ноги и после увиденного никак не реагирую на свою собственную боль из-за растрёпанной раны.

Сама не знаю почему, но бегу назад. Никто за мной не гонится, я просто... Не хочу больше смотреть на него такого. Хочу оставить его в покое.

При всём желании не могу вернуться в купальню, поэтому сползаю по стене на холодный и влажный пол и прикрываю веки. Будто свалилась и дальше даже не пыталась отойти.

Дракона нет ещё час или даже два, я потеряла слишком много сил за последнюю неделю, поэтому умудрилась задремать.

Но вот он всё же возвращается.

В чёрной шёлковой рубашке с цепью на шее и платком, скрывающим лицо. Волосы влажные от воды и растрёпанные. Глаза — отблески стали и языков пламени. Он выглядит так, будто ничего с ним не было совсем недавно, и я решаю поддержать эту иллюзию:

— Мне надоело тебя ждать, вот... прыгнула... неудачно.

Чувствую тёплую усмешку обыкновенную, хотя и не могу знать наверняка. В любом случае совсем скоро он присаживается напротив меня и одаривает строгим взглядом.

— Ты не можешь просто посидеть на месте. Не можешь думать о себе. Не можешь заботиться о том, чтобы рана больше не пыталась тебя убить! Почему ты её не зашивала вообще? А что с руками? Ты помнишь, зачем ты здесь? Чтобы радовать глаза дракона. Ты думаешь, меня радуют калеки?

От такого я даже несколько теряюсь. Зажмуриваюсь и морщусь, пытаюсь понять, на что отвечать в первую очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.